

Наталья Герова

Шкатулка с драконом

Наталья Перова

Шкатулка с драконом

«Автор»

2026

Перова Н.

Шкатулка с драконом / Н. Перова — «Автор», 2026

Под Петербургом от странной наследственной болезни умирает граф Волхвинский, так и не раскрыв дочери тайну своей смерти. Дочь графа Вера узнаёт, что дело в шкатулке, но что в ней хранил и прятал граф и от кого. Раскрыть тайну странной шкатулке девушке помогает друг семьи барон Ренель. Какие тайны хранит прошлое графа и к чему приведут главных героев поиски ответов на вопросы?

© Перова Н., 2026

© Автор, 2026

Наталья Перова

Шкатулка с драконом

Наталья Перова

Приключенческий роман

Не заботься о том, чтобы нажить богатство; оставь такие мысли твои.

Устремишь глаза твои на него, и - его уже нет; потому что оно сделает себе крылья и, как орел, улетит к небу.

Притчи 23:4-5

Пролог

Храм в Индии

Яркая луна освещала многочисленные фигуры на стенах индийского храма. Его необычной формы купола казались сделанными из глины. Каждый, кто попадал сюда, непременно чувствовал, что оказался в другом мире. Всё было здесь не таким, невиданно интересным. И стены, и лестницы, и, главное, статуи богов. Неподвижно стояли они у стен внутри и сна-

ружи, злобно глядя на единственного посетителя, судя по всему, непрошенного. Ему нравилось внутреннее убранство храма. Богатство и красота привлекли его, как ничто в жизни до этих пор. Он долго осматривал просторный зал, глядя по сторонам, затем остановился перед статуей пятиголового бога, кажется, его называют Брахмой. Пальцы молодого человека коснулись гладкой поверхности ног истукана. С восторгом и интересом смотрел он на статую. Больше всего его привлекали глаза. Четырехрукий Брахма, с причудливыми шапками на головах выглядел смешным. Незнакомец не верил в христианского бога, а языческий казался ему вообще куском камня и метала. Добрые глаза Брахмы, так привлекавшие его, придали смелости. «Значит, ты не обидишься на меня» - прошептал посетитель. Он мечтал об этом всю свою жизнь. Теперь его мечта, наконец, осуществится.

Молодой человек знал, что за ним наблюдают. Тайный свидетель не вмешивался в происходящее и, тем более, не собирался мешать незнакомцу. Пусть то, что делает сей господин, удастся, и тогда он использует этот случай в своих целях. Подождав, пока незнакомец покинет храм, наблюдавший улыбнулся, и вышел вслед за ним. Украшенный драгоценными камнями золотой кинжал остался лежать у ног Брахмы.

Спустя много лет. Имение Волхвинских под Петербургом.

Весенний лес медленно погружался в полусон. Он будто готовился встречать ночь. Утихали все звуки, ветер переставал шелестеть листвой. Всё замирало, засыпало. Слабые лучи заходящего солнца ещё освещали большой дом. Солнце касалось гладкой поверхности больших красивых окон и аккуратно заглядывало вовнутрь, освещая просторные многочисленные комнаты дома. Он производил поистине величественное впечатление. Лепнина на стенах, широкая парадная лестница, массивная дверь. Белые стены дома словно радовались солнцу, окна весело смотрели на закат. В имении графа Волхвинского сегодня было необычно шумно. Слуги бегали туда-сюда, будто на пожаре. У дома стоял скромный экипаж. Кучер, уже привыкший к суматохе, которую он видел всюду, куда вызывали его хозяина – местного лекаря, являвшегося и семейным доктором Волхвинских, спокойно и безучастно взирал на эту суету, ожидая доктора. Сюда Иван Дмитриевич заглядывал не часто. Михаил Петрович Волхвинский не любил врачей, не принимал лекарств. Даже в свои 56 лет граф был всегда необычно подвижным, весёлым, он любил шутки, розыгрыши. И ужасно не любил лечиться. Лишь, в крайнем случае, когда ему было уж совсем плохо, он соглашался вызвать лекаря. Сегодня как раз был такой день. Михаил Петрович болел уже второй месяц и только неделю назад он всё-таки послал за лекарем. Приступы мучили графа уже давно, но они не длились долго, и он старался не обращать на это внимания. Когда он чувствовал недоброе, то просто закрывался у себя в спальне, и ждал, когда всё пройдёт. На просьбы домашних обратиться к врачу он отвечал очередной колкостью, утверждая, что галлюцинации бывали и у великих людей и ничего с ними не случалось. Наоборот. Именно в этот момент им приходили в голову гениальные идеи. Это утешало Михаила Петровича, но совсем не утешало его дочь – Веру Михайловну Волхвинскую. Гениальные идеи так и не приходили, а галлюцинации и головные боли случались всё чаще. Наконец, устав от мучений, Михаил Петрович согласился вызвать доктора. Осмотрев графа, доктор выписал некоторые лекарства и констатировал, что болезнь, увы, неизлечима. От неё умер отец Михаила Петровича, от неё, видимо, должен умереть и его сын. Вера обречённо опустила руки. Доктор сочувственно посмотрел на неё. Тогда он будто что-то хотел сказать ей, но так и не решился. И вот сегодня графа снова посетили видения. Всё случилось так быстро, что он даже не успел закрыть дверь. Сильная головная боль поразила его. Он упал на пол, схватившись руками за голову. Всё вокруг снова поплыло, и появились они. «Чёрные монахи». Так называл их граф. Они сползали со стен, картин, потолка, выходили из тёмных углов комнаты и тянули к нему свои страшные скрюченные пальцы с чёрными ногтями. «Отдай, отдай» - шеп-

тали хриплые голоса призраков. Он закрывался руками, крестился, пытался встать, но тело не слушалось его. В страхе он доползал до кровати и закрывал своим телом то, что просили отдать призраки. Он знал, что они хотели именно эту вещь. Так было написано на ней внутри, но он не мог отдать её. Конечно, он знал, что надо отдать, и тогда призраки исчезнут, а боль прекратится, но какая-то неведомая сила влекла его к этому, на первый взгляд простому предмету. Ожидая, что призраки задушат его, граф зажмурился глазами и... терял сознание. Когда он приходил в себя – всё исчезало. Но сегодня они не уходили, а голова болела сильнее обычного. Он не видел свою дочь, слуг, доктора, вместо них он видел только странных людей без лиц в чёрных плащах. Они наступали, шепча со всех сторон непонятные слова, и тянули к нему свои руки. Комната, ещё освещённая вечерним закатом, казалась графу сегодня тёмной и мрачной. Он сидел на кровати, поджав ноги, и судорожно сжимал руками колени, испуганно глядя на дочь, маленькую белокурую девушку лет 16, пытавшуюся привести отца в чувство. Её серые глаза переполнял страх, в них уже блестели слёзы, но она сдерживала себя, боясь напугать графа ещё больше. Она стояла перед кроватью, слегка наклонившись, и пыталась осторожно разговаривать с отцом.

- Папа, ты слышишь меня? – повторяла она, тщетно ожидая ответа, - Это я, папа. Ты меня не узнаёшь?

Рядом с ней, по правую руку стоял доктор – высокий худой брюнет с маленькой английской бородкой. Он удерживал порывы дочери, которые пугали графа. Отец не слышал её голоса. Испуганно, как ребёнок, он смотрел на неё и на собравшихся в комнате людей и только отталкивал руками воздух, будто отгонял нечистую силу, всё время крестясь.

- Уйдите, прочь! У меня ничего нету! - кричал граф, нервно размахивая руками. Его полные ужаса глаза блуждали по комнате.

Тело его дрожало. Он, то закрывал лицо, то снова начинал нервничать, как только кто-то из домочадцев пытался приблизиться к нему.

Вера судорожно сжимала руки, глядя на обезумевшего отца. Словно ища какого-то спасения, она кинулась к доктору, упав перед ним на колени.

- Доктор. Сделайте что-нибудь, - она сжала левую руку доктора, - Неужели ничего нельзя сделать?

Доктор ласково сказал графине встать, поддерживая её за локоть.

- Надо оставить его, - сказал доктор, глядя на графа, - Ваше присутствие только усугубляет его состояние.

- Но как же? – растерянно спросила Вера, протягивая руки к отцу.

Доктор осторожно повернул её к выходу.

- Пойдёмте, милая, - он повёл Веру к двери, взяв её за плечи, - Вам не надо видеть этого. Я останусь с ним. Может и в этот раз всё обойдётся.

Вытирая глаза платком, Вера послушно вышла.

- Вы все тоже свободны, - сказал доктор слугам.

Причитая и крестясь, слуги один за другим покинули комнату.

- Останься, Степан, - сказал он камердинеру графа.

Камердинер послушно поклонился и, закрыв дверь спальни, тихо встал в углу.

- Простите, господин доктор, - осторожно спросил Степан, - Барин, Михаил Петрович, он того. Умрёт?

Доктор сделал шаг в сторону кровати графа.

- Уйди, исчезни! - снова закричал граф.

- Возможно, - ответил доктор, замедлив шаг.

- Ваша светлость, успокойтесь, - доктор медленно пошел к кровати, - Это я. Иван Дмитрич, ваш лекарь.

Граф насторожился и отодвинулся дальше к спинке кровати, издавая испуганные звуки. Голос доктора казался ему грубым и каким-то зловещим.

- Я отвлеку его, - сказал доктор камердинеру, - А ты двигайся вдоль стены к кровати. Только медленно.

Степан послушно кивнул и бесшумно пошел вдоль стены.

Доктор медленно подошел к кровати, сжимая в кармане шприц с белой жидкостью.

- Послушайте меня, ваша светлость, - продолжал Иван Дмитриевич, - Всё это вам только чудится. Здесь кроме нас с вами никого нет. Я ваш лекарь.

- Лееекарь? - протянул граф, судорожно сжав руками колени. Его шея вытянулась вперёд, в глазах читался интерес, перемешанный со страхом.

- Позвольте мне осмотреть вас, - ласково сказал доктор, обходя кровать с правой стороны, - Вам станет легче и чёрные тени исчезнут.

- Исчееееезнут, - так же протянул граф. Его фигура застыла в прежней позе. Глаза будто смотрели в никуда. Казалось, он сдался.

- Теперь держи его, только крепче, - сказал он подошедшему к кровати Степану, - Не бойся. Если его сиятельство придёт в себя – врятле что-нибудь вспомнит.

Степан молча кивнул. Граф продолжал сидеть в прежней позе.

- Давай, - сказал доктор.

Сильные руки схватили графа с двух сторон. Он закричал, задёржав ногами.

- Вяжи ему ноги простынёй, - сказал доктор, - Ну, быстрее.

Через пару минут граф лежал на кровати, упеленанный, словно ребёнок, простынёй и одеялом. Шприц мягко вошел в его руку. Он затих и закрыл глаза.

Камердинер обессилено опустил на стул у кровати хозяина.

- Что теперь будет-то, ваша милость? - спросил он.

- Это был последний приступ, - тяжело дыша, ответил доктор, - Возможно, он доживёт до утра.

- Что ж это за хворь такая странная? - Степан озадаченно посмотрел на доктора.

- Наследственная хворь, любезный, - ответил тот, собирая инструменты в саквояж, - Насколько я знаю, твой прежний хозяин умер так же?

Степан застыл на месте, держа в руках плащ доктора.

- Да, ваша милость, в точности так же, - ответил камердинер, - А... Не мог кто-то... того... отравить барина?

- Сразу двоих. Ежели так, то этому отравителю сейчас должно быть больше ста лет, - ответил доктор, просовывая руки в рукава.

- Аяй, аяй, - запричитал Степан.

Глаза доктора скользнули по комнате, будто ища чего-то.

- Ты можешь идти, - сказал он камердинеру.

Причитая, камердинер засеменял по коридору прочь из комнаты.

Проводив камердинера взглядом, доктор подошел к кровати, где лежал в бессознательном состоянии граф. Подняв одну из подушек, он вытащил из-под неё деревянную шкатулку. Открыв её, доктор зажал нос рукой. Подойдя к столу, он взял лежавшую на нём салфетку и потрогал бархатную ткань, затем понюхал, и спешно захлопнув крышку, поставил шкатулку на стол. Задумчиво глядя на странные узоры на шкатулке, доктор взял салфетку со стола, и, подойдя к камину, поджег её. Салфетка вспыхнула странным, желто-ярким пламенем с каким-то непонятным оттенком. По комнате поплыл сладковатый запах, смешанный с запахом гари. Салфетка мгновенно превратилась в пепел. Доктор распахнул окно напротив камина и вернулся к столу. Да. Эта вещь чем-то притягивала к себе. Но чем? Он снова взглянул на неё, открыл, и опять быстро захлопнул крышку. В его глазах появилось сомнение и страх.

В комнату вошла Вера. Она тихо стояла у двери, наблюдая за доктором.

- Скажите, он... умрёт? – спросила она, подходя к доктору.

Доктор, молча, кивнул головой.

- Слишком поздно вы послали за мной, - мрачно ответил он, глядя на спящего графа, - Может он доживёт до утра. Поражен мозг. Слишком всё поздно.

- Но. Мы послали за вами, как только он упал, - возразила Вера.

Доктор взял графиню за руку.

- Я не о том, дитя моё. Ваш батюшка заболел месяца два назад?

Вера кивнула головой, вытирая слёзы.

- Если бы вы послали за мной тогда – может быть я смог бы что-нибудь сделать. А сейчас... Уж поздно.

- От чего это? – спросила Вера, подняв на доктора заплаканные глаза.

- Наследственная болезнь, - повторил доктор задумчиво и снова взглянул на странную шкатулку.

Вера опустила голову.

- Держитесь, дитя моё, - доктор взял её руку.

Рыдая, Вера протянула доктору деньги и медленно подошла к кровати отца.

Доктор поспешно вышел, будто шпион, оглядываясь назад. Его удивлённым взглядом проводил камердинер, возвращавшийся в спальню хозяина. Заметив Степана, доктор опустил глаза и ускорил шаг. Вера не сразу заметила странное поведение доктора. Сейдчас, в момент горя и отчаяния, её мысли были заняты только отцом. Взяв отцовскую руку, она прижалась к ней щекой. Ещё тёплой и такой ласковой. Неужели она останется теперь одна? Одна. Без матери, умершей лет 10 назад, и без отца, который не сумел сберечь свою жизнь для неё. Неужели эта рука никогда больше не погладит её так ласково? Он не поцелует её волосы перед сном, не назовёт своим белокурый ангелом. Ей не хотелось верить в это, но он умирает. Может он ещё очнётся и скажет ей хоть что-то на прощанье? А, может, нет. Вера встала. Медленно, словно во сне, она подошла к столу, где стоял графин с водой. Её рука легла на стол и коснулась шкатулки. Взгляд невольно упал на странный предмет. Что это за вещь? Вера взяла шкатулку в руки и открыла массивную толстую крышку. Не слишком большая в ширину, но довольно глубокая, шкатулка была сделана из дерева. Красивый, но странный рисунок покрывал её сверху. Крышка имела конусовидную форму, сверху её украшала необычная большая ящерица, с острыми зубами и красными камнями вместо глаз. Внутри, на тёмно-красной бархатной обивке, были написаны непонятные символы и знаки. В центре, с внутренней стороны крышки, был изображен какой-то языческий бог с уродливым, страшным лицом. Внутри шкатулки лежали старые бумаги, пожелтевшие от времени и толстые нитки, связанные в узелки как то странно. От бархатной обивки исходил сладковатый, неприятный запах. Сморщившись, Вера закрыла шкатулку. Почему доктор так странно разглядывал её? И почему ничего не сказал ей? А как поспешно он закрыл её, увидев вошедшую Веру. Нет. Эту вещь надо спрятать. В комнате отца был тайник. Он находился за картиной её матери, висящей на стене напротив кровати. Отец скрывал этот тайник от всех, но Вера знала о нём. Ещё маленькой девочкой она пряталась за занавеской в комнате отца и потихоньку подглядывала за ним. Так она узнала про тайник. Подойдя к картине, Вера осторожно дотронулась до её рамки. Картина дрогнула, и поплыла в сторону. За ней обнаружилась небольшая квадратная ниша. В нише лежали бумаги, деньги, и какая-то старинная книга, перевязанная поперёк толстой верёвкой. Отодвинув все эти предметы, Вера положила туда шкатулку, и закрыла тайник.

Её взгляд снова упал на бездыханного отца. Закрыв глаза руками, она поспешно вышла из комнаты. Её платье, мелькнув, исчезло за поворотом в коридоре. Камердинер тихо закрыл двери спальни и стал у двери, всё ещё ожидая, что хозяин очнётся и позовет его к себе. Граф умирал. С ним умирала и тайна загадочной шкатулки, которую теперь предстояло разгадать его дочери.

Глава 1 Тайна графа

Ночь опустилась на имение Волхвинских, одев дом в траурный наряд. Всё вокруг стихло, будто сама природа замерла на миг, ожидая смерти хозяина дома. Вера вернулась в спальню отца. Не спеша, словно призрак, вошла она в спальню графа, держа в руках свечу. Михаил Петрович, уже не связанный, по-прежнему неподвижно лежал на кровати. Грудь его слабо вздымалась. Жизнь покидала графа медленно, будто оставляя ему последнюю надежду на возвращение в этот мир. Вера ласково поцеловала отца в лоб. Рядом с кроватью в кресле спала горничная, оставленная здесь по указанию хозяйки, на случай если граф очнётся. Отпустив её, Вера села на её место. Она не может оставить его одного. Ей самой хотелось поймать момент пробуждения отца. Пусть на пару минут, или секунд, перед уже неизбежной смертью. Может он скажет ей что-нибудь, или просто посмотрит на неё в последний раз. Она смотрела на неподвижное тело, лежавшее там, на кровати, и ей казалось, что всё это сон. Может они все попали в какую-то страшную сказку? Она закончится и окажется, что это только игра, а отец будет по-прежнему живым и весёлым? Сознание Веры упрямо отказывалось принимать действительность. Что дальше? Похороны, плач, ненужные соболезнования чужих, равнодушных людей? И, главное, его положат в этот страшный, холодный склеп. Нет. Лучше уснуть. Забыться хоть на мгновение в мире снов. Вера подняла с пола упавший плед, которым накрывалась служанка, и, укутавшись в него, закрыла глаза.

«Папа, не бойся, я здесь, с тобой» - мысленно сказала она ему. Сон на миг окутал Веру мнимым спокойствием. Ей снилось детство, улыбающаяся мама и ещё молодой отец. Они, как раньше, катались на лодке, и мама шутливо плескала на неё водой из реки. Отец смеялся и снова говорил маме как она, всё-таки, красива. Это были сказочные времена. Вера невольно улыбнулась во сне. Она опустила в воду маленькую ручку и стала смотреть на воду, надеясь разглядеть в ней рыб. Вода была тёплой и нежно ласкала её руку. В ней Вера видела своё отражение. Но вдруг знакомый силуэт в воде стал меняться, и детское Верино лицо превратилось в непонятную фигуру. Вера заворожено смотрела на воду. Она всё пыталась разглядеть себя, но чужие очертания проступали всё яснее и вот стали почти явными. Вера закрыла рот руками, чтобы не закричать. Вместо её отражения на неё смотрело непонятное существо с круглым лицом и горящими глазами. Звериный оскал вместо улыбки обнажал ряд острых маленьких клыков как у вампира, у него было несколько рук. Из рта капала кровь. На неё, блестя красными глазами, смотрел языческий бог со шкатулки. В страхе Вера обернулась к родителям, но лодка больше не двигалась. В ней не было ни отца, ни матери. Напротив неё сидел человек в чёрном плаще. Своими страшными пальцами он сжимал вёсла. «Отдай» - прохрипел жуткий голос. Вера закричала и проснулась. Комната была пуста. Отец по-прежнему неподвижно лежал на своём ложе. В полумраке мерцала свеча. Пламя вытягивалось и плясало, обдуваемое сквозняком от приоткрытого окна. Вера перекрестилась и встала.

«Господи Иисусе» - прошептала она, подходя к столу. Её дрожащая рука потянулась к графину с водой. Она налила воды и поднесла ко рту стакан. Слабый голос, донёсшийся от кровати, заставил её вздрогнуть. Она обернулась. Стакан выскользнул из её рук. Отец приоткрыл глаза и попытался привстать на кровати, но руки не слушались его. Он смог лишь слегка пошевелить пальцами.

- Вера, - снова позвал он.

Вера кинулась к кровати.

- Отец. Я здесь. Я с вами, - сказала она, взяв его руку. Слёзы снова потекли из её глаз.

- Дитя моё, - еле слышно прошептал он, - Прости меня. Я... Я не смог. Я должен был, но не смог.

- Что вы не смогли, отец? - спросила Вера, присев на край кровати, - Скажите мне. Я всё сделаю. Только не умирайте. Я сделаю всё, что вы скажете. Я... Я...

Она снова заплакала, целуя руку отца. Пальцы графа легонько сжались. Он коснулся ними лица дочери.

- Увы, дорогая, уже ничего не поправишь. Видимо, мой час пришел, - слабо улыбнувшись, сказал граф.

Вера молча плакала, сжимая руку отца.

- Где это? - спросил граф, протягивая руку куда-то в сторону.

- Что? - спросила Вера. Она понимала, что он пытается ей что-то сказать, но ему не хватает сил, - Что отец?

Граф тяжело дышал. Его лицо стало бледным, на лбу выступил пот. Ему трудно было говорить. Язык не слушался и казался тяжелым, словно гиря.

- Найди, - прохрипел граф, - Найди это. Это. Надо.... Надо..... Там написано.... Только. Не открывай...Запах....Осторожно...Этот запах.

- Какой запах? О чём вы, папенька? - Вера пристально смотрела на отца, будто желая увидеть ответ в его глазах.

Он уже не мог ответить. Горло будто сдавило железным обручем. Он вытянул вперёд руку, указывая куда-то в стену. Вера обернулась.

- Найди, - прохрепел отец.

- Что найти, папа? - она готова была разрыдаться, - Скажи мне.

Михаил Петрович пытался сказать что-то ещё, но с его бледных губ уже не слетали слова. Он взялся рукой за горло. Голова снова закружилась. По комнате поползли странные тени. Вера что-то говорила ему, но он не слышал её. За спиной дочери начали проступать очертания человека в чёрном. Медленно, но чётко нарисовалась тёмная фигура призрака в капюшоне. Граф замахал руками и потянул Веру к себе. Она выдернула руки и обернулась назад. За её спиной никого не было. Только отблески пламени от свечи плясали в красках портрета её матери. Вера подошла ближе к отцу и обняла его, будто желая защитить. Но что она могла сделать? Она не видела человека в чёрном, но он был тут. Он вытянул скрюченную руку и что-то прохрипел грубым голосом.

- Не отдаааам! - крикнул граф, приподнявшись на постели, - Ты ничего не получишь. Слышишь, уходи!

Вера уложила отца на кровать. Его глаза расширились от ужаса.

- Не отдам, - уже тихо сказал он.

Комната поплыла перед глазами. Всё исчезло во мраке вместе с человеком в чёрном. Теперь он не видел даже Веру. Опять заболела голова. Михаил Петрович напрягся. Его руки судорожно сжали простыню. Затем пальцы ослабли и тело обмякло. Вокруг стало светло и спокойно. Он даже подумал, что наступило утро. Тени в чёрном... Неужели он прогнал их? Он взял Верину руку. Вера зарыдала.

- Я найду, папа, найду то, что ты хочешь, - твердила она, - Только не уходи. Ты нужен мне.

Граф улыбнулся. Его глаза закрылись, рука разжалась.

Вера наклонилась к отцу, она звала его, трясла за плечи, даже легонько била по щекам, но он не реагировал. Чьи-то руки ласково коснулись её плечей.

- Барышня, - сказал камердинер, - Успокойтесь. Ах ты боже мой. Умер батюшка. Умер.

По щекам камердинера потекли слёзы.

- Как же так? Как же мы теперь. Без него?

Вера поднялась и, уткнувшись в плечё камердинера, зарыдала.

Из дневника Жюльена Мирея

Никогда не думал, что стану писать мемуары. Но, чувствуя, что мой конец близок и этот предмет, который я называю не иначе, как «дьявольский глаз» вскоре убьёт меня, я решил перед смертью доверить всё бумаге. Пусть потомки знают, кто я на самом деле и за что несу теперь кару Господню.

Меня зовут Жюльен Мирей, мне 30 лет, но в свои годы я уже чувствую себя стариком, хотя ещё недавно я был полон жизни. Моя супруга Ольга, как и все другие, знают меня как шевалье Франсуа де Гранье. Это имя я слышал когда-то в детстве, и оно было первым, которое пришло мне в голову. Ложь всю жизнь окружала меня. Но если раньше я лгал с удовольствием, то теперь эта вынужденная ложь тяготит меня. Я не должен был портить жизнь Оленьки. Мне не раз хотелось сбежать, исчезнуть, как раньше. Однако я не смог. Не смог оставить её. Посему моя жизнь напоминает какой-то театр, где я один актер, а все остальные зрители в нём, или жертвы дешевой фарс-комедии. Но всё по порядку.

Я родился в предместье Парижа. Мой отец был священником и мечтал, чтобы я также стал священником. Не знаю, почему среди нас пятерых он выбрал именно меня. Но мои жизненные планы несколько расходились с его мечтами. Посему, как только мне исполнилось 18, я покинул отчий дом, прихватив с собой все пожертвования на храм. Деньги вскоре закончились, и мне пришлось добывать себе на пропитание любыми способами. Самым действенным из них оказался обман. Найти жертву было невероятно легко. Наивных глупцов всегда и везде в достатке. Легкость добычи окрылила меня, и я понял, что таким образом смогу сколотить себе немалое состояние. Если бы я знал, чем это всё закончится, и как тени прошлого будут потом преследовать меня, я бы уступил отцу и стал священником, но тогда я был далёк от этой истины. Потому я бросился во все тяжкие. Побывал во многих странах и везде с лёгкостью оставлял после себя слёзы, проклятия. Что будет с теми несчастными, когда они поймут, что обмануты, я не думал. Моё «ремесло» казалось мне просто работой. О том, чтобы иметь семью, детей, не могло быть и речи. Если бы не встреча с Ольгой, я и теперь предпочел бы одиночество, но она, как и этот чертов «глаз» пленила моё сердце.

Прости меня, дорогая. Для тебя я останусь твоим преданным и честным Франсуа. О той грязи, в которую я с удовольствием окунулся и от которой мне не отмыться теперь никогда, ты не узнаешь. Я сделаю для этого всё возможное и невозможное. Тебя и нашего сына не должно коснуться это чёрное болото.

Остатся только «глаз». Я не могу избавиться от него. Он пугает, и завораживает меня. Если б ты знала, любимая моя, сколько раз я пытался выкинуть или продать его, но каждый раз какая-то неведомая тёмная сила останавливала меня. Потому я заклинаю тебя, если это попадёт в твои руки, избавься от него, как тяжело это ни было бы. Я постараюсь спрятать его. Спрятать так, чтоб никто не нашёл. Думаю, на это у меня всё-таки хватит сил.

Глава 2

Похороны

Ветер обдувал Верино лицо, мокрое от слёз и дождя. Траурная процессия двигалась медленно. Ей хотелось прогнать мрачные мысли. Забыть обо всём и ничего не думать. Но чёрный гроб рядом с ней жестоко напоминал о действительности. Сейдчас его положат в склеп, а потом закроют тяжелые двери – и она расстанется с ним. Навсегда. Слёзы снова хлынули из её глаз. Кружилась голова и в теле чувствовалась какая-то слабость. Жизнь будто уходила из неё вместе с отцом. Он забрал с собой её душу, и внутри осталась пустота и боль. Ей хотелось, чтобы её закрыли вместе с ним в этом склепе. Но чья-то сильная рука в чёрной перчатке, поддерживающая её всё время, чтобы она не упала, будто удерживала её в этом мире. Вера не замечала молодого человека в чёрном, державшего её за руку, не замечала она и злобного взгляда графини Росточкой, которую она по родственному называла «тётушка Анна». У отца

не было братьев и сестёр, и он не сильно переживал из-за этого. Но теперь сознание Веры было далеко. Она опиралась на сильную руку в чёрной перчатке, будто надеясь, что эта рука сможет вернуть её к жизни.

Процессия вошла на кладбище и остановилась у фамильного склепа. Вера сжала руку в перчатке. Молодой человек аккуратно взял её за плечи. Она прислонилась к нему, чтобы не упасть и зажмурила глаза. Прислушиваясь к молитве священника, она стала читать Отче наш. Присутствие молодого человека придавало мужества. Она должна выдержать это. Нельзя позволить, чтобы это общество увидело её бьющейся в истерике. Им даже не было жалко её. Им, скорее, хотелось узнать про драгоценности графа, о которых ходили слухи в обществе.

Молодой человек что-то говорил Вере, но она не слушала его. Она смотрела на бледное лицо отца, и ей казалось, что он вот-вот оживёт. Но тело в гробу лежало неподвижно. Присутствующие стали прощаться с покойным. Наклонившись над гробом, Вера зажмурила глаза и снова зарыдала. Слезы капали на холодное тело. Дрожащими губами она поцеловала ледяной лоб отца и, уткнувшись в грудь молодого человека, зарыдала. Гроб понесли в склеп. Вера не пошла за всеми. Она не сможет смотреть, как закрывают бетонную плиту. Чьи-то удивлённые голоса донеслись изнутри.

- Что случилось? - спросил молодой человек.

- Кажется плита на могиле, где лежит супруга Михаила Петровича, сдвинута, - сказала «тётушка Анна».

Вера подняла голову и посмотрела на Ростockую.

- Тебе не стоит беспокоиться об этом, девочка, - наиграно ласково сказала она Вере, - Сейчас всё поставят на место.

- Оставайтесь с ней, - сказал молодой человек графине, - Я пойду внутрь.

Руки в чёрных перчатках отпустили Веру, и её голова снова закружилась. Молодой человек исчез во мраке склепа. Графиня осторожно усадила Веру на лавочку.

- Всё будет в порядке, детка, - сказала она.

Вера с ужасом смотрела на чёрную дверь. Сейдчас ей было всё равно, что там произошло. Она думала про отца. Его улыбку, его голос, его мягкие, нежные руки. Всё это ушло. Навсегда. Трудно было поверить в это, но это так. Фигура молодого человека, возникшая перед ней, заставила её очнуться.

- Что произошло? – спросила графиня.

Он не ответил. Молча, он взял Веру за руки и помог ей встать.

- Вам лучше уйти отсюда, Вера Михална, – сказал он.

Вера послушно встала и позволила ему увести себя от страшного склепа. Будто всего этого вовсе и не было. Уводя Веру, молодой человек почувствовал на себе полный ненависти взгляд графини Ростockой. Она, как многие, была безумно влюблена в него, всё ещё надеясь на взаимность. Но его интерес к Вере нарушил планы Анны Николаевны. Прежняя симпатия к Вере постепенно стала переростать в ненависть. Пока что тётушке удавалось скрывать это, но теперь она чувствовала, что надолго её сдержанности не хватит. Она ведь тоже молода. Они с ним одного возраста. И красива. Рыжие волосы, зелёные глаза, маленькие алые губы. Многие мужчины мечтали поцеловать их. Но не он. Он мечтал о Вере. Ненависный игрок-муж давно стал противен Анне, как ей казалось. Может он просто надоел ей, а может это была просто обида из-за его карточных долгов. И вот теперь предмет её мечтаний уходил от неё с маленьким прелесным созданием, так неожиданно разрушившим её планы. Она закусил губы и, отвернувшись, ушла прочь в сторону склепа.

- Что произошло там? – спросила Вера, садясь в карету.

- Ничего страшного, Вера Михална, - ответил он, - Вам лучше сейдчас остаться тут.

Вера посмотрела на него. Барон Жан Поль Ренель, так звали молодого человека, был высок ростом. Стройный, статный молодой человек с голубыми, цвета неба, глазами и чёрными

волосами с бронзовым отливом, имел успех у женщин. Но, холодный и равнодушный, он не обращал ни на кого внимание. Неестественная бледность лица отталкивала, и в то же время привлекала прекрасный пол, так же, как и Веру. Его называли колдуном, магом, даже вампиром. Вере были чужды эти сплетни. Какая-то пугающая сила влекла её к нему. Раньше Вера боялась барона. Она не знала почему, но этот неестественный, необъяснимый страх мешал ей ответить на его ухаживания. Он не раз пытался завоевать её сердце, и этим вызывал ревность и ненависть своих многочисленных поклонниц. Прошлое барона было покрыто мраком для общества. Никто не знал кто он, откуда, и почему его семья оказалась здесь. Все знали только, что он родом из Франции, и что его отец приехал сюда из Германии. Может именно такая таинственность привлекала к нему женщин? Вере не интересовало это. Её чистота и искренность притягивали Жан-Поля. И вот теперь он был рядом с ней. Его красивые глаза смотрели ласково из-под густых, длинных ресниц. Отцовский взгляд. Тёплый и нежный, любящий. Теперь впервые этот человек был не страшен Вере. Только его сочувствие казалось ей искренним. Даже тётушка Анна была сегодня какой-то чужой. Далёкой. Вера закрыла глаза руками.

- Боже мой, за что мне всё это? – сказала она.

Ей не хотелось плакать при нём, но слёзы сами лились из глаз.

Жан-Поль сел в карету рядом с ней. Он прижал её голову к своей груди и ласково погладил волосы.

- Если б я мог повернуть время назад, я бы отдал всё за то, чтобы вернуть вашего отца, - сказал он с каким-то надрывом в голосе.

Вера замотала головой.

- Нет, нет. Я не верю, что он умер, не верю. Может и мне лучше умереть вместе с ним?

Барон достал кружевной платок и аккуратно вытер её слёзы.

- Ваш отец хотел, чтобы вы жили. Помните, он говорил, что печаль – это маленькая смерть? Попробуйте не плакать. Боль со временем утихнет и останутся только приятные воспоминания.

Вера печально улыбнулась.

- Мои воспоминания умерли как и я.

Барон отрицательно помотал головой.

- Вам так сейчас кажется. Моя матушка говорила, что наши близкие, даже умирая, всегда находятся рядом с нами. Отец останется в вашем сердце.

Вера посмотрела на него доверчивым взглядом. Он улыбнулся.

- Отец любил Вас, - сказала Вера, задумчиво глядя в пустоту, - Его сосед был для него самым лучшим.

- Ваш отец, увы, был в меньшинстве, - мрачно ответил Жан-Поль.

- Он не верил сплетням, - возразила Вера, - Впрочем, как и я. Вампиры, маги. Всё это выдумки. Так. Из скуки.

- Я счастлив, если это так, - сказал он, глядя на неё, - Однако вы боитесь меня.

Вера посмотрела на него. Её рука легла на его руку уже без перчатки. Тепло его мягкой ладони согрело маленькие пальчики Веры. Разве рука вампира может быть такой тёплой и мягкой? Его тонкие пальцы ласково сжали маленькую ручку.

- Уже не боюсь, - поправила она, - Тётушка Анна говорила мне, что вы опасны. Я верила ей. Но, теперь я думаю, что мы обе ошибались. Спасибо Вам. Если бы не вы – я бы сошла сума.

Барон нахмурился.

- Она так говорила? – переспросил он.

- Да, - ответила Вера, - Очень много раз.

Барон злобно улыбнулся.

- Вы вправе верить графине, - ответил он мрачно, - Но, я клянусь вам, моя душа чиста перед вами. Возможно, в чём-то она права. И я достоин вашей неприязни.

Вера остановила его.

- Нет, - сказала она, - Вы не сделали мне ничего дурного. Я... Никогда не испытывала к вам неприязни.

Слова Веры показались Жан-Полю бальзамом для больной души.

- Впрочем, - продолжала Вера, - Теперь всё это не важно. Папеньки больше нет. И всё теперь не имеет смысла.

Глаза Веры снова наполнились слезами. Её рука по-прежнему была в руке барона.

- Возможно, я не достоин вашей милости, - ответил барон, - Но в трудную минуту вы всегда можете рассчитывать на меня.

Вера уткнулась лицом в его плечо.

- Благодарю, - снова сказала она, - Мне... Неудобно быть кому-либо обузой.

Барон аккуратно коснулся рукой её щеки и заглянул ей в глаза.

- Мой ангел, - ласково сказал он, - Вы не можете быть обузой. Напротив, это будет для меня огромным счастьем. Я сделаю для вас всё, что вы пожелаете.

Вера грустно смотрела в голубые глаза барона.

- Тогда верните мне отца, - сказала она.

Барон вздохнул.

- Если б я мог сделать это. Поверьте. Мне... Тоже жаль, что его больше нет. Но. Я обещаю вам, что не оставлю вас одну.

Его тёплые руки прижали её голову к груди. Она слышала, как бьётся его сердце, и на миг забыла о своём горе. Но приближение тётюшки Анны заставило их очнуться.

- Почему она так ненавидит вас, Жан-Поль? - наивно, по-детски, спросила Вера.

Барон усмехнулся.

- Ненавидит? - спросил он, - Это было бы неплохо. Её ненависть не так страшна, как её любовь.

- Она влюблена в вас? - в недоумении спросила Вера, - Но ведь у неё есть муж.

- Пожалуй, я начинаю ненавидеть вашу тётюшку за её любовь, - ответил барон, глядя на приближающуюся графиню.

- Почему? - спросила Вера.

- Эта женщина похожа на кошку. Дикую и хищную. Она вроде бы ласкова и мила, но в самый неожиданный момент она может выпустить свои когти. И тогда из её друга вы неожиданно превращаетесь в жертву.

- Вы жестоки к ней, - сказала Вера.

- Будьте осторожны с тётюшкой Анной, - барон снова взял её за руку, - Не спешите открывать ей свою душу. Это может быть очень опасно.

- Вы, наверное, знаете людей лучше меня, - ответила Вера, - Но, возможно, вы ошибаетесь.

- Поверьте мне, - возразил барон, - Я никогда не стремился стать её другом и не входил в число её поклонников, но я знаю эту женщину слишком хорошо.

- Кому же я тогда могу доверять? - спросила Вера, - У меня никого больше нет.

- Вы можете доверять мне, - сказал барон, прижав её руку к своей груди.

Вера опустила глаза. Его прикосновение было приятно ей, и его рука так напоминала руку отца. Ей было легче, когда он рядом.

- Я знаю вас очень мало, - ответила она.

- Вы узнаете меня лучше. Если захотите - ответил он.

- Возможно. Мы сможем стать друзьями. Думаю пока этого достаточно? - спросила она, взглянув на него.

- Да. Конечно, - согласился Жан-Поль.

- Я не помешала вам? - прервала их графиня Росточкая.

Она стояла у открытой двери кареты и смотрела скорее на барона, чем на Веру. Казалось, Веру она вообще не заметила. Равнодушные тётушки, всегда такой ласковой, теперь показалось ей странным.

- Нет, сударыня, вы нам совсем не помешали, - холодно ответил барон, не выпуская Верину руку, - Знаете, я, пожалуй, поеду с графиней. Она в очень подавленном состоянии. Я не хотел бы оставлять её одну.

Тётушка Анна смерила барона полным ненависти взглядом.

- Может быть, лучше я составлю компанию Вере Михалне? – спросила она.

- Не стоит. Ваш супруг, кажется, уже искал вас, - барон, пристально посмотрел в глаза графини, - Меня совсем не затруднит эта миссия. Можете не волноваться. Мои намерения чисты в отношении Веры Михалны. Со мной она в полной безопасности.

- Что ж, барон, - ответила тётушка, злобно улыбнувшись, - Я полагаюсь на вашу порядочность и оставляю с вами это дитя.

- Не сомневайтесь, - наигранно вежливо ответил барон, - И... Вас не затруднит сказать моему кучеру, что я поеду с графиней в одном экипаже?

Подобная просьба разозлила Ростоцкую, но она скрыла свою злобу.

- Охотно сделаю это, господин барон, - ответила она, и ушла, нервно надевая перчатки.

Ехидно-злая улыбка появилась на лице барона. Эта женщина вызывала у него ненависть и отвращение. Её гнев доставлял Жан-Полю удовольствие. Он был с ней всегда надменен и холоден. Её попытка вызвать у Веры отвращение к нему ещё больше разозлила барона. «Я не останусь у вас в долгу, графиня» - подумал он, захлопнув дверь кареты.

Процессия двинулась в обратный путь. Верина голова покоилась на груди Жан-Поля. Его рука осторожно перебирала её волосы. А слёзы всё лились из её глаз, будто нескончаемый поток. Словно боль и тоска вытекали из Вериной души вместе с ними. Она закрывала глаза – и видела отца. То радостного и здорового, то больного с блуждающим взглядом. Его слова звучали в её ушах. «Найди это» - снова повторял его слабый голос. Присутствие Жан-Поля успокаивало её. Он прижимал её к своей груди, будто пытаясь забрать себе её горе, оградить от всего, что тревожило сейчас её душу. Может рассказать всё ему, про шкатулку, про болезнь отца и странное поведение доктора? Но она и правда не знает его. Сомнения всё ещё мучали Веру. Однако кому-то ей придётся рассказать об этом. Ей нужна помощь, защита. Эта тайна пугала её. Самой ей трудно будет разгадать все загадки. Барон был, в данном случае, единственным, к кому она может обратиться. Тётушка Анна, злобная и ревнивая, врятле станет ей союзником. К тому же она, и правда, похожа на кошку. Но как рассказать ему всё. Сейчас? Нет. Сейчас ей хотелось просто слушать скрип колёс и биение сердца Жан-Поля. Завтра она расскажет ему всё, или послезавтра. Вере не хотелось принимать решений. Её душа потерялась в воспоминаниях о прошлом. Где было счастливое детство, где отец и мать были живыми, и где они так весело катались на лодке по реке.

Глава 3

Тень у камина

День тянулся медленно. Серый и пасмурный, он навевал ещё большую тоску. Моросил дождь. Слабый свет едва проникал сквозь приспущенные шторы Вериной спальни. Комната хозяйки была небольшой, но уютной. Всю её меблировку составляла большая кровать, которую украшали маленькие амуры, у кровати стояла тумбочка, зеркало с круглым пуфиком, и письменный стол у окна. Этого вполне хватало скромной по натуре хозяйке комнаты. Обычно весёлая, она вставала с рассветом, и будила любящего поспать отца. Они завтракали, и дальше каждый шел заниматься своими делами. Веру ожидали занятия с учителями, графа – домашние дела. Дом оживал с пробуждением весёлой хозяйки. Она здоровалась со всеми, веселилась,

шутила со слугами. Она, будто по волшебству, заставляла проснуться погруженный в какую-то странную утреннюю меланхолию дом. Сегодня было всё по-другому. Никто не вставал рано, не шутил, не будил домочадцев. Да, собственно, и будить было некого. Мадам Жанон, Верина гувернантка, с утра попросила подать завтрак в спальню. После похорон ей не хотелось выходить. Вера тоже не хотела вставать. Только Аннушка, старая Верина горничная, уже суетилась с утра, ожидая пробуждения хозяйки. Она уж дважды пыталась поднять Веру с постели, но всякий раз Вера просила оставить её. Она лежала на кровати, и задумчиво смотрела на пасмурное небо за окном. Снова и снова перед глазами она видела испуганное лицо отца и странного бога со шкатулки. Пасмурное утро принесло ощущение необратимости случившегося. Отца больше нет. И никогда не будет. Мадам Жанон вчера вечером сказала, что с этим надо смириться. В глубине души Вере этого хотелось, но как? Привыкнуть к мысли, что его нет? Она никогда не сможет. Так может ей вообще не просыпаться? Умереть вот так. В этой комнате, лёжа в постели. Она уже даже не плакала. Просто не было сил, или не хватало слёз? Вчера она пролила их так много, что на сегодня уже ничего не осталось. Она просто лежала на кровати и пустым, задумчивым взглядом смотрела на мокрое окно. Это дождь сегодня плачет вместо неё. Нет, это не капли дождя, это, наверное, её слёзы. Само небо помогает ей плакать. Оно тоже скорбит о смерти отца сегодня.

Шаги и голоса за дверью заставили Веру очнуться. Мадам Жанон разговаривала с Аннушкой.

- Ах, ваша милость, - причитала Аннушка, - С утра не вставали. Я уж и так, и сяк говорила. Ни в какую. Оставьте меня, говорит, - и всё. Может хоть вас послушают.

- Я попобую, - сказала мадам Жанон с лёгким акцентом, - Ступай.

- Сосед наш ведь обещалис наведаться утром. А они всё спят, - жалобным тоном сказала Аннушка.

- Багон Генель? - спросила мадам Жанон.

- Онис, онис. Может послать кого, пусть скажут, что барышня нездорова.

Это сообщение заставило Веру очнуться. Она и забыла, что Жан-Поль обещал нанести визит сутра. Она сама ему разрешила. Мигом поднявшись с кровати Вера надела халат, подобрала лентой волосы, и вышла в коридор.

Мадам Жанон и Аннушка удивлённо посмотрели на Веру, и вместе пожелали ей доброго утра.

- Не стоит, - сказала Вера, поздоровавшись, - Я уже встала. Как приедет господин барон - вели проводить его в гостиную и пусть подождёт - я выйду к нему.

- Мадам Жанон, - сказала Вера по-французски, - Я в порядке. Вы можете идти к себе.

Француженка кивнула - и удалилась по коридору в сторону своей спальни.

Вера вернулась в свою комнату. Подняв шторы, она зажмурилась от света и, сложив на груди руки, посмотрела в окно. Дождь моросил не переставая. Намокшие деревья за окном лениво клонились от ветра. Под дождём туда-сюда сновали слуги. Управляющий, Ефим Семенович, давал им указания, держа над головой зонтик. Двое мальчишек, совсем мокрых от дождя, возились у дороги, что-то убирая. Вера не разглядела что. Она ждала приезда барона. Этот человек, неожиданно ворвавшийся в её мысли и чувства, отвлёк её от семейного горя. Она ещё не знала, что она чувствует. Что-то новое, ещё непонятное ей, родилось в её душе. Может его сострадание к её горю родило это чувство, а может его смелость? Как бы там ни было, он был для Веры спасением от отчаяния, охватывающего её теперь всё больше с каждым днём. Он был единственным, кому она доверяла теперь. Тётушка Анна не вызывала у неё доверия. Какая-то неприязнь внезапно возникла у неё к графине Ростокской после похорон отца. Только Жан-Полю могла она доверять. Она терпеливо смотрела на дорогу, ожидая приближения его экипажа. На душе стало легче. Отец редко ошибался в людях. Он любил и уважал Жан-Поля, значит, этот человек достоин её доверия. Тихие, шаркающие шаги, заставили Веру обернуться.

Перед ней стоял камердинер отца. Он остановился у двери, переминаясь с ноги на ногу. В его глазах читалось сомнение. Он будто что-то хотел сказать Вере, но никак не решался.

- Чего тебе, Степан? – спросила Вера.

- Барышня, - сказал Степан, всё ещё сомневаясь, - Даже и не знаю, как сказать.

Вера подошла к Степану. Он и впрямь был озадачен чем-то. Даже, вроде как, напуган.

- Да что случилось Степан? – снова спросила Вера, - Говори. Ну, смелее.

- Вчера вечером, решил я прибраться в комнате барина. Слуги-то бояться заходить туда.

Там, мол, нечистая сила. Вон как. Пелагея только прибирала. Она-то в нечистую не верит. Говорит, всё вздор. Да видит она плохо и пыль-то хорошо не вытерла.

- Ну, - поторопила Вера Степана.

- Ну, думаю, пойду посмотрю. Захожу – и вижу, - Степан перекрестился. Его глаза наполнил ужас, - Ой и вспомнить страшно. У камина тень какая-то. Я глаза закрыл, перекрестился, думал почудилось. Человек тот что-то искал на стене, будто тайник какой или чего. Я крикнуть хотел, на помощь позвать, да не могу. Горло как сдавил кто. Я к двери потихоньку пошел, он увидел меня – и шасть в окно. И такой ужас меня взял. Хотел, было, я лакеев позвать, да подумал, а вдруг и правда нечистая сила. Вашему батюшке монахи-то в чёрном мерещились, так этот в плаще чёрном и был. Ну, посидел я малость, оклемался, и подумал завтра надо барышне сказать. А теперь думаю, а вдруг то человек живой был? Мало ли. Вот и выходит, что я виноватый, не доглядел. Простите меня, Христа ради, дурня старого.

- Ладно. Я на тебя не сержусь. Окна в комнате барина ты закрыл?

- Да, барышня, закрыл. На секретный замок, как барин учил.

- Как выглядел тот человек?

- Ох, барышня, не припомню я точно, я со страху чуть не помер, - оправдывался камердинер, - Ну в плаще чёрном с капюшоном, лица не видно было. В перчатках.

- Высокий или низкий он был?

- Аккурат с меня, барышня. Среднего росточка.

Вера сжала рукой подбородок. Это уж точно был не призрак. И врягле Степан смог бы его удержать.

- Хорошо, - сказала она камердинеру, - Закрой все окна в комнате барина. И дверь хорошо запри. Все ключи от комнаты у меня будут. Чтобы кроме меня и тебя туда никто не входил.

- Хорошо барышня. А. Это... Прибирать-то кто будет?

- Пелагея пусть прибирает. Но пока она будет прибирать – ты с ней в комнате останешься, и дверь закроешь на ключ. Ключи я тебе дам, когда надо будет. Как только Пелагея уборку закончит ключи мне принесешь обратно. Да смотри не оставляй её одну. Понял ты меня?

Степан кивнул головой.

- Всё понял, барышня, сделаю точно, как вы сказали.

- У кого ещё есть ключи?

- Дык у управляющего есть.

- Забери у него ключи сейчас, скажешь, что я велела. И немедленно мне принесёшь.

Ступай.

Степан поклонился и ушел.

Веру потихоньку начал окутывать страх. Теперь ей просто необходима была помощь барона. Она не может быть одна в этом доме. Без помощи и поддержки.

Глава 4

Разговор с бароном

Она старалась сдерживаться, но ноги сами несли её в гостиную. Вере даже стало стыдно за её несдержанность. Она не шла, а скорее плыла к нему, будто на волнах неведомого до

этой поры чувства. Подойдя к двери гостиной, она сделала глубокий вдох, и, открыв дверь, спокойно вошла в комнату. Жан-Поль сидел у камина и протягивал руки к огню. Одет он был по-прежнему во всё чёрное. Только кружева белой рубашки выглядывали из-под чёрного камзола. Увидев вошедшую хозяйку, он встал и грациозной походкой подошел к Вере.

- Доброе утро, - сказал он, поцеловав Верину руку, - Как вы себя чувствуете сегодня? Вы немного бледны.

- Спасибо. Мне... Лучше, - мрачно сказала Вера.

Они присели в стоящие у камина кресла.

- Вы уже завтракали? - спросил барон.

- Нет. Мне. Не хочется есть, - ответила Вера.

Барон взял Верину руку.

- Вы должны иметь силы, - сказал он.

- Я знаю... И всё-таки.

- Ну. Тогда вы рискуете умереть с голоду. И... Я расстанусь с вами. Нет. Я не могу допустить этого.

Вера печально улыбнулась.

- Нет. Я. Позавтракаю позже. Если хотите - можете составить мне компанию. Мадам Жанон неважно себя чувствует после похорон, а завтракать в одиночестве мне как-то не хочется.

- Охотно. Признаюсь, я сутра тоже не успел позавтракать.

- Что ж. Я велю приготовить завтрак, - сказала Вера, взяв со стола колокольчик.

Юная служанка в белом переднике показалась в дверях. Вера отдала распоряжение. Служанка поклонилась, и ушла.

- Вчера вы сказали мне, что я могу доверять вам, - сказала Вера, когда дверь за служанкой закрылась.

- Всецело и полностью, - ответил барон, искренне глядя ей в глаза, - Вы хотите мне что-то сказать?

- Да. Видите ли. В доме происходит что-то странное. И меня эти странности очень пугают. Я не могла решиться рассказать это кому-либо. Я боялась, что меня просто сочтут сумасшедшей.

- Я не сочту вас сумасшедшей, - перебил барон Веру, - Можете рассказать мне всё. Я обещаю вам, что буду защищать вас. Можете поверить мне, я не привык давать пустых обещаний.

Отворившаяся аккуратно дверь заставила их замолчать. Юное создание медленно поплыло по полу в их сторону, и, подойдя к столу, поставило на стол две синих чашки с позолоченным рисунком. От горячего чая исходил небольшой пар. Вера взяла кружку и жестом отпустила служанку.

- Хорошо. Я расскажу вам, - Вера потёрла виски, отпила из чашки немного чая, и начала свой рассказ. Она рассказала Жан-Поллю всё. Про смерть отца, чёрных монахов, свой странный сон, шкатулку с непонятными знаками, про языческого бога, странное поведение доктора и вчерашнего непрошеного гостя.

- Всё это звучит как бред сумасшедшего, - сказала Вера, закончив рассказ, - Мне самой не верится, что это происходит со мной. И этот человек в комнате отца.

Барон молчал. Он сжал подбородок рукой, задумчиво глядя на огонь в камине.

- Да. Вы правы. Всё очень странно.

- Что это может означать? - спросила Вера.

- Трудно сказать. Если вы позволите мне взглянуть на комнату вашего батюшки и... эту шкатулку - возможно, я смогу найти какой-нибудь ответ?

- Пожалуйста, - сказала Вера, поднимаясь с кресла.

Из дневника Жюльена Мирея

Всё началось в Венеции. Я давно мечтал увидеть этот город. Моему отцу он не нравился. Мои мечты о Венеции вызывали у него отвращение. «Сырость, грязь и вонь» - отвечал он, когда я просил его рассказать о Венеции. Но я мечтал и поклялся себе, что, вопреки рассказам отца, однажды побываю в нём, и он непременно понравится мне. Я ждал этого дня, как жених ждёт свидания с невестой, с волнением и трепетом. Мысли о том, что отец может оказаться прав я гнал от себя, как грязного пса. И город не разочаровал меня. Я был восхищен им. Необыкновенно красивый и необычный. Он был, будто сказочный. Словно волшебник создал его. Мне нравилось всё. Каналы, маленькие улочки, бесчисленные храмы и мостики. Пьяцо Сан-Марко и Дворец Дожей. Тогда я был далек от того, что эти воспоминания будут вызывать непередаваемые муки. Хочется вернуть время назад и сделать всё по-другому.

За пару дней я обходил его вдоль и поперек и вскоре знал Венецию как своих пять пальцев. Я побывал во многих богатых домах под разными именами. Разумеется в поисках «жертвы». И вскоре она нашлась. В тот вечер я отправился на очередной приём, будучи уверенным, что вечер обещает быть скучным и кончится тем, что покину я его в обществе очередной легкомысленной особы, жаждущей любви на одну ночь. Поначалу я ещё надеялся, разглядывая пеструю толпу вокруг меня, но спустя некоторое время начал думать, что и здесь ничего не найду. Однако вскоре объявили: «Граф и графиня Чемецци». Не знаю что заставило меня обратить внимание на эту парочку. Возможно мой нюх, выработанный годами, подсказывал мне, что оно того стоит. Я подошел поближе, чтобы рассмотреть парочку и понял, что не ошибся. Черноволосый смуглый юноша лет 20 с горящими глазами вошел в зал в обществе юной особы лет 17. Глядя на него, я понял, что это страстный, несколько горячий и не сдержанный молодой человек. Невероятно наивный по молодости и доверчивый. Девушка, скорее всего, приходилась ему сестрой. Они были очень похожи. И её взгляд. Это был не взгляд замужней дамы. Черные волосы цвета воронова крыла были аккуратно уложены, Платье цвета бордо совсем не шло ей, хотя прекрасно подчеркивало тонкую талию и пышную красивую грудь. Она могла бы непременно вызвать восторг, если надеть на неё маску, а лучше, густую вуаль. Она была не просто некрасива. Я даже сказал бы, уродлива. В отличие от брата. Нос был слишком длинным, глаза, очень маленькие, посажены близко к носу. Большой рот вообще вызывал ужас и отвращение. Мысль о том, чтобы пригласить её на танец, поначалу привела меня в ужас. Но золотое кольцо с дорогими камнями у неё на шее и столь же дорогой перстень-печатка на пальце у её брата, заставили меня сделать над собой усилие. Одна моя знакомая когда-то сказала мне, что любовь к дорогим камням и золоту однажды погубит меня. Теперь я знаю, что она была права. Но тогда мной владел азарт. Глубоко вдохнув, я вынул алую розу из стоящего рядом букета в вазе, и направился к ней.

Глава 5

Загадочная надпись

Они прошли в комнату графа Волхвинского. Отперев замок, Вера распахнула двери.

- Входите, - сказала она, приглашая барона.

Она подошла к картине и достала из тайника шкатулку.

- Вот эта вещь, - Вера поставила шкатулку на стол, - Только осторожнее. Отец говорил про какой-то запах. Я думаю, он имел в виду запах от шкатулки.

Барон зажал нос платком и открыл крышку. Его тонкие пальцы потянулись было к красной подкладке, но в последний момент он остановился.

- У вас нет салфетки? - спросил он Веру.

Вера, молча, протянула ему одну из оставшихся на тумбочке у кровати салфеток.

Барон взял салфетку и аккуратно потёр рисунок. Всматриваясь в надписи, он наклонился над шкатулкой. В его глазах читался неподдельный интерес. Он, будто, пытался что-то прочесть. И, видимо, ему это удавалось, потому что в его глазах отразилось беспокойство. Вера начала волноваться, глядя на встревоженное лицо барона. Ещё пару минут он разглядывал шкатулку внутри и снаружи, затем его взгляд стал задумчивым. Он закрыл шкатулку и, положив салфетку на стол, задумался.

Голос Веры вывел Жан-Поля из задумчивого состояния.

- Что это... – хотела спросить Вера.

- Вы видели раньше эту вещь? – спросил барон, прервав Веру.

- Я увидела её впервые в день смерти отца, - ответила она.

- И ваш отец ничего не рассказывал вам о ней?

- Нет.

Жан-Поль провёл салфеткой по непонятным иероглифам на шкатулке, будто понимал, что они означают. Затем медленно закрыл крышку шкатулки, и, подойдя к камину, бросил салфетку в огонь. Салфетка вспыхнула пламенем странного неестественного цвета.

- Скажите мне что всё это значит? Что это за вещь и откуда она взялась?

- Скорее всего, этот предмет с дальнего востока. Возможно, он относится к какому-то языческому культу. Только я не могу понять, какую роль он играет? Какая функция ему отведена? Судя по размерам шкатулки, здесь должно было храниться ещё что-то. Что-то очень важное.

- Что-то, что убило отца? – испуганно спросила Вера.

- Шкатулка пропитана ядом, - ответил барон, - Возможно для того, чтобы отвести любопытных и отпугнуть воров. Может быть, именно этот яд и сыграл злую шутку с вашим отцом.

- Он вдыхал яд каждый день?

- Нельзя сказать этого наверняка. Я не знаток ядов, и не могу утверждать, что это именно яд. Но в истории было много случаев, когда язычники пропитывали ядом разные оккультные предметы. Ваш отец просто стал заложником этой вещи, как и многие другие.

- Заложником шкатулки?

- Скорее того, что хранилось в ней.

- Что это могло быть?

Барон пожал плечами.

- Что угодно. Ваш отец знал, что эта вещь может попасть в чужие руки, и скорее всего, спрятал её.

- Что означают эти надписи?

Барон подошел к Вере. Ему хотелось ответить на её вопрос, но её испуганные глаза и наивно-детский, доверчивый взгляд, вызвали у него сомнения.

- К сожалению, пока что я не могу вам ничего сказать наверняка, - ответил он ей, стараясь говорить спокойно, - Эти надписи и рисунки требуют подробного исследования. Поэтому, возможно, мне придётся взглянуть на эту вещь ещё раз. Скажите, вы кому-нибудь говорили про эту шкатулку?

- Нет, - ответила Вера, так же доверчиво глядя на Жан-Поля, - Я боюсь доверять это кому-нибудь, кроме вас.

- Вы абсолютно правы. Ни в коем случае не говорите о ней, и не показывайте никому эту вещь. Кто-нибудь ещё знает про тайник?

- Нет. О нём знали только я и отец.

- А тётушка Анна?

- Отец не особо доверял ей.

- Прекрасно. Никто, слышите, никто не должен знать об этом, кроме вас, меня, и Господа Бога.

- Там... Что-нибудь страшное? – испуганно спросила Вера. Её глаза стали ещё больше, в них читался страх. Сейчас она напоминала Жан-Полю маленького перепуганного ребёнка. Он улыбнулся.

- Вам не нужно ничего бояться. Вы правильно сделали, доверившись мне. Я клянусь вам своей честью и всем, что у меня есть - я сделаю всё, чтобы уберечь вас от опасности. Но. Вы должны слушаться меня и доверять мне, иначе мне трудно будет защитить вас.

Вера покорно кивнула головой. Её ещё мучили сомнения, но безвыходное положение заставило её согласиться с бароном.

- Вот и славно, - с такой же мягкой улыбкой сказал Жан-Поль, - Спрячте эту вещь обратно в тайник. И. Позовите сюда вашего камердинера. Я хочу расспросить его.

Вера подошла к двери и потянула за шнурок у занавески. Через пять минут в дверях появился камердинер.

- Вы звали, барышня? – покорно спросил он, поклонившись.

- Да. Я звала тебя, - ответила Вера, - Расскажи господину барону то, что рассказывал мне сегодня утром.

- Извольте барышня, - сказал камердинер.

Он слово в слово повторил Вере и барону историю про незнакомца. Закончив свой рассказ, он взглянул на барона, ожидая вопросов.

- Скажи, голубчик, этот некто был толстым, или худым?

- Худым, ваша светлость. Я даже подумал, может это женщина.

- Вот как? Почему тебе так показалось?

- Простите, ваша светлость. Фигурка, вроде как, женская. И... Формы были заметны, - камердинер показал на грудь, - Покорнейше прошу простить меня барышня за такую подробность.

- Ничего, - сказала Вера, - Продолжай.

- И... Манеры какие-то... Не мужицкие, - закончил камердинер, - Я испугался поначалу, а потом вот подумал. Никак мне этот человек из головы нейдёт. Женщина это. Точно, ваша светлость.

- Хорошо. Где находился этот некто, когда ты вошел?

- У камина. В углу, ваша светлость, - камердинер показал в сторону камина.

Барон прошел в сторону, куда показывал камердинер.

- Здесь? – спросил он, обернувшись к Степану.

- Здесь, ваша светлость. Он будто что-то искал на стене.

Барон снова задумчиво взялся за подбородок.

- Хорошо. Ступай, - сказал он.

Степан повернулся к двери, собираясь идти, но барон остановил его.

- Постой. Спустишь, голубчик, вниз к моей карете. В ней находится человек, мой слуга. Скажешь ему, что он нужен мне и проводишь сюда. И. Скажи мне, ты кому-нибудь кроме меня и Веры Михайловны рассказывал эту историю?

- Нет, господин барон, - ответил Степан.

- Тогда запомни хорошенько. Никто кроме нас не должен знать об этом. Здесь ничего не происходило, ты ничего не видел и не слышал. Понял ты меня?

- Понял, ваша светлость. Ничего не видел, ничего не знаю.

- Замечательно. Можешь идти.

Камердинер слегка поклонился и вышел.

- Можете быть спокойны. Он верный человек. Он уже давно служит моему отцу, - сказала Вера, когда за Степаном закрылась дверь.

- Хорошо. Спрячте эту вещь на место, и постарайтесь не касаться её, ответил Барон, разглядывая пол и стены у камина.

Вера, молча, взяла шкатулку со стола и поставила её назад в тайник. Портрет матери медленно поплыл на своё прежнее место. В дверях показался слуга барона. Высокий, крепко сложенный человек с широкими плечами, одетый во всё чёрное, предстал перед Верой. Его волосы были слегка тронуты сединой. С левого боку на кожаной перевязи у бедра висела шпага.

- Слушаю, господин барон, - невозмутимо глядя на хозяина, сказал человек с лёгким французским акцентом.

- Я хочу представить вам моего слугу. Его зовут Жерар. Поскольку этот дом полон опасных неожиданностей – Жерар отныне будет вашим охранником. Он когда-то состоял на службе у короля и очень хорошо знает это дело.

- Благодарю вас, Жан-Поль, но в моём доме достаточно слуг... - хотела возразить Вера.

- Простите, что я прерываю вас, мадмуазель. Конечно, я ничуть не сомневаюсь, что ваши слуги непременно сумеют защитить свою хозяйку, но я очень прошу вас принять услуги моего слуги ради моего спокойствия. Поверьте мне, вы не найдёте в России и во Франции лучшего охранника, чем Жерар. И... Мне так будет намного спокойнее, - барон подошел к Вере и взял её за руки, - Я волнуюсь за вас, дорогая. Я привык выполнять данные мною обещания. Если с вами что-нибудь случится – я не смогу себе этого простить.

Верини глаза наполнила нежность и тепло.

- Хорошо, - сказала она, - Если так – я принимаю вашу помощь.

- Благодарю вас, - сказал барон, припав губами к её руке.

- Жерар. Ты останешься с мадмуазель. Отныне ты будешь охранять Веру Михайловну. Кроме того, ты должен следить за этой комнатой. Никто не может входить сюда без позволения хозяйки дома. Теперь можешь идти.

- Слушаюсь, господин барон, - Жерар наклонил голову, выпрямился, будто стоял в армейском строю, и вышел. Камердинер вышел вслед за Жераром, закрыв за собой дверь.

Барон по-прежнему держал Веру за руки. Её большие, серые глаза, словно магнит, влекли его к себе. Страсть и нежность переполняли его душу. Ему хотелось заключить её в свои объятия, целовать эти глаза и эти губы, но он сдержал свой порыв, и, глубоко вздохнув, отпустил Верини руки. Вера покраснела и отвела взгляд.

- Я... Должен идти. Меня ещё ждут дела, - сдерживая дыхание, сказал барон, - Увы. Наш завтрак придётся отложить. Однако я непременно воспользуюсь вашим предложением. Если оно, конечно, останется в силе.

- Конечно, Жан-Поль. Вы всегда будете желанным гостем в моём доме, - ответила Вера.

- Чудесно, - улыбнувшись, сказал Жан-Поль, - Я прошу вас. Если что-нибудь случится снова – немедленно сообщите мне.

- Хорошо, - сказала Вера, подняв на него стыдливый взгляд, - Я обещаю вам.

- Тогда до встречи, мой ангел, - ласково сказал барон, утопая в бездне необыкновенных глаз.

Он припал к маленькой нежной руке, словно желая утолить жажду и поспешно вышел, пытаясь остановить бешено бьющееся сердце.

Сев в карету, Жан-Поль приложил руку к груди, и, закрыв глаза, глубоко вздохнул. Ему хотелось бежать назад, в дом, и снова заглянуть в эти глаза, припасть губами к маленькой, нежной руке, и неустанно, страстно целовать её. Её глаза, руки, губы. Он уже давно любил её. Любил так, как никогда раньше и эта любовь порой даже пугала его. Он боялся, что она не ответит на его чувства, и тогда его сердце правда разорвётся на сотни маленьких красных клочков. Однако теперь он был любим. С трудом веря в своё счастье, он пытался привести в порядок вихрем несущиеся мысли, и впервые ему было трудно овладеть собой. Глубоко вздохнув, барон велел кучеру ехать домой. Он велит слугам следить за Росточкой. Конечно, той тенью могла быть не графиня, но ради собственного спокойствия, надо было проверить и эту версию.

Глава 6

Поиски тени

Владения барона Ренеля были очень большими. Трудно было сказать, сколько гектаров они занимали. В них входила часть леса, поля с другой стороны дома и маленькое озеро, на которое открывался из окон прекрасный вид. Рядом с домом был шикарный парк с фонтанами, дорожками, усыпанными гравием, декоративными деревьями и аккуратно подстриженными кустами. Сам дом чем-то напоминал Лувр. Старый барон очень скучал по Франции, поэтому он велел сделать себе здесь, в России, миниатюрную копию Лувра. Переступивший порог дома начинал думать, что попал в царство Мидаса. Волосы статуй на стенах дома и головы львов по бокам широкой лестницы были покрыты чистым золотом, ним же был украшен фонтан и также статуи в парке у дома. Позолотой были украшены лестницы внутри дома, на стенах и потолке также был золотой рисунок. Пагубная страсть отца, которая, в конце концов, свела его в могилу, никогда не нравилась Жан-Полю. Он ненавидел золото так же сильно, как его любил Жак-Луи Ренель. Старый барон собирал золото всю свою жизнь. Подвал его дома был наполнен сундуками со слитками, золотыми монетами. Хранилось всё это в отдельном помещении подвала. На единственной двери, ведущей к комнатам с богатствами барона, был поставлен секретный замок. В доме было много золотых статуэток и фигурок, которые стояли везде, куда мог упасть случайный взгляд человека. Даже ложки и вилки, а также кубки были из золота. Посуда, фужеры и стаканы были украшены позолотой. Естественно, церкви и королю не нравилось увлечение барона. Только его умение льстить и быть нужным человеком, способным принести пользу, спасло его от суда и казни. Взамен на это ему пришлось покинуть Францию, естественно, оставив все свои богатства. Но Жак-Луи Ренель не отличался честностью, он был хитер и жаден. Оставить французским властям столько золота? Нет! На это он пойти не мог. Поэтому, неизвестно каким образом, он вывез свои богатства сначала в Германию, а затем в Россию. Старый барон не даром выбрал именно это государство. Взяточничество, которое начинало процветать в России тогда, а также отсутствие всякой инквизиции вполне устраивали его. Естественно, размеры своего богатства он держал втайне от общества, но никак не смог удержаться от желания похвастаться, поэтому необычный, украшенный золотом дом, всякий раз поражал гостей. Однако его было слишком много, поэтому, дабы избежать воровства, старый барон держал в доме много охраны. Вооруженные люди, мрачно расхаживающие по дому, поначалу пугали маленького Жан-Поля. Ему казалось, что отец окончательно сошел сума. Но со временем Жан-Поль понял необходимость этой меры. В дом не раз пытались пробраться воры, но, благодаря этой охране, грабителям ни разу не удавалось ничего похитить. К старости Жак-Луи стал и правда понемногу сходить сума. Разногласия с отцом заставили Жан-Поля надолго уехать в Германию. Вернувшись, сын застал отца в плачевном состоянии. Жак-Луи перестал следить за собой. Слугам с трудом удавалось уговорить его помыться и сменить одежду. Он почти никуда не выходил, у него начала развиваться мания преследования. Ему всё время казалось, что его хотят ограбить. Поначалу Жан-Полю удавалось бороться с болезнью отца, но с каждым месяцем это становилось всё труднее. Старому барону всё время казалось, что в дом влезли грабители, что кто-то хочет украсть его золото. Он упрекал сына в том, что тот не любит золота и ему некому будет оставить своё богатство, потому что Жан-Поль непременно раздаст его бедным, и труды отца пропадут даром. Никакие клятвы и уверения не заставили Жака-Луи успокоиться. Поэтому он велел сделать в подвале тайный ход, ведущий к озеру. Туда каждую ночь он сносил золото. Старый барон лично прятал его и поэтому никто не знал, куда деваются слитки и монеты. Работников, строивших этот ход, Жан-Полю так и не удалось найти после смерти отца. Все они пропали бесследно. Иногда Жан-Полю удавалось помешать отцу, но стоило всем в доме утратить бдительность хоть на миг, как старый барон принимался за своё. Тогда Жан-Поль велел замуровать ход. Жак-Луи пришел в ярость. Два-

жды пообещав лишить сына наследства, всё время обвиняя его в сговоре с жуликами, старый барон, в конце концов, заявил, что будет спать в подвале рядом со своим золотом. Успокоить отца Жан-Поль смог только положив рядом с ним в постель маленькую позолоченную статую Венеры, которую Жак-Луи любил больше всех. Велев закрыть подвал на замок, и забрав все ключи от подвала, старый барон, наконец, успокоился. Уверенный в том, что на сей раз отец исполнит свою угрозу, Жан-Поль решил снова покинуть Россию, и отправиться на родину предков, во Францию. Он давно мечтал увидеть Париж. Но внезапная смерть отца нарушила его планы. Жака-Луи Ренеля нашли мертвым в подвале дома. Он умер во сне, лёжа на старом одеяле рядом со своим золотом. Завещание отца оказалось не менее странным. Согласно ему единственным наследником всего состояния (дома, земель, всех богатств) является его сын Жан-Поль Ренель, с условием, что оно не будет роздано нищим. Согласно этому документу Жан-Поль не мог менять ничего в доме, переделывать и перестраивать дом, а напротив, поддерживать его в нынешнем состоянии. Зная набожность и щедрость сына, отец милостиво разрешил ему отдавать на благотворительные цели определенную сумму денег, которая казалась Жан-Полю совсем мизерной. В случае нарушения условий этого документа, всё состояние, а также дом и земли, барон завещал приютам и церквям. Его же сын, нарушив он вышеуказанные условия, обязуется покинуть дом и владения, не взяв из него ни одной вещи. Воля отца привела Жан-Поля в ярость и отчаяние. За что так жестоко мстил ему отец? Неужели он хотел, чтобы его сына постигла его судьба? Поначалу он готов был согласиться стать нищим и записаться на военную службу в России, но отец Владимир, священник, к которому не раз ходил Жан-Поль за советом, отговорил его от этого. Если он не может отдать золото, то может использовать его на благо. Так и сделал Жан-Поль. Построив в городе больницу и пару гимназий, он ожидал одобрения общества. Но злые языки не собирались прощать сыну грехи отца. Про Жан-Поля продолжали сочинять небывлицы, даже не замечая его добрых дел. Сначала огорченный всем этим, со временем Жан-Поль перестал обращать на это внимание. Он не часто появлялся на балах и приемах, общался только с теми немногими, которые симпатизировали ему. Среди этих людей был граф Волхвинский. Он поддерживал с бароном Ренелем дружеские отношения, не обращая внимание на сплетни и слухи, не раз приглашал его в гости. Любовь к Вере дала Жан-Полю стимул к жизни. Он не верил в существование клада графа Волхвинского, о котором ходили сплетни в обществе. Да и не хотел верить. Золото не интересовало Жан-Поля. Но что-то должно быть в доме Волхвинских. Что-то, чего очень не хотел показывать обществу, и даже собственной дочери, граф Волхвинский. И это что-то убило его. Что бы это ни было, как бы ни была ценна эта вещь и сколько бы она ни стоила, Жан-Поль должен был избавиться от неё Веру и общество. Пытаясь разгадать эту загадку, он смотрел в окно на пасмурное небо, ожидая прихода управляющего графини Ростоцкой. Евграфий Петрович давно служил у Ростоцких. Невзрачная внешность управляющего, его лисьи, маленькие глаза, и лукавая улыбка подхалима, вполне соответствовала его натуре. У него были редкие седые волосы, тонкие, будто у женщины, пальцы. Маленький, худенький, ничем не привлекательный, он так и не женился. Хотя этому помешала скорее жадность, чем непримечательная внешность. Жан-Полю был крайне неприятен этот человек, но ему необходимо было знать что происходит в доме Ростоцких, и поэтому Жан-Поль вынужден был терпеть его общество. Подкупить продажного управляющего было легко, но отнюдь нелегко было заставить его молчать. Пришлось пойти на шантаж, пообещав раскрыть хозяевам мелко-грязные делишки Евграфия Петровича, которыми он занимался втайне от хозяев, и которые очень не понравятся им, узнай они о них. Управляющий ненавидел и в то же время боялся Жан-Поля. Он, всё-таки, верил в мистику. Слухи, ходившие про барона в обществе, внушали страх трусливому управляющему. Барон знал это и с удовольствием пользовался этим страхом, посмеиваясь над суеверием Евграфия Петровича. От него барон хотел получить информацию о его хозяйке.

Почти бесшумно открывшаяся дверь кабинета, прервала размышления барона. Тихонько покашливая, в дверях стоял Евграфий Петрович. Лисьи глазки наигранно ласково смотрели на барона. Управляющий лукаво улыбнулся и тихо поздоровался. Сдерживая неприязнь, барон предложил управляющему пройти и присесть в кресло у письменного стола. Сам барон сел в другое, напротив управляющего.

- Слушаю вас, господин барон, - елейным тоном сказал Евграфий Петрович.

- Времени у меня мало, поэтому я перейду сразу к делу. Скажи, милейший, ты ведь часто наблюдаешь за своей госпожой? – спросил барон.

Управляющий замялся.

- Как можно, ваша милость...

Барон прервал его.

- Ты любишь свою хозяйку так же, как и я. Не правда ли? Не думаю, что тебя беспокоит её честь.

Евграфий Петрович хотел снова возразить, но барон жестом остановил его.

- Признаюсь тебе, мне тоже не очень симпатична эта женщина. О причине моей несимпатии к ней я умолчу. Знаю, что твоя хозяйка не очень щедра и чрезмерно жестока.

- Не мне выбирать хозяев, ваша милость, - возразил управляющий.

- Но ты можешь увеличить своё состояние, сослужив мне кое-какую службу. Я буду более щедр, чем Анна Николаевна.

- Это зависит от того, насколько щедрой будет ваша милость, - тем же тоном сказал управляющий.

Барон открыл ящик стола и положил перед управляющим кошелек с золотыми монетами.

Открыв кошелек, Евграфий Петрович улыбнулся, его маленькие глазки забегали, в них появился радостный блеск.

- Думаю, я смогу помочь вашей милости, - с той же лукавой улыбкой сказал Евграфий Петрович.

- Всякий раз, исполнив всё, что я попрошу, будешь получать столько же. Если ты расскажешь кому-либо об этом – ты знаешь, что будет.

- Ваш слуга предупредил меня, ваша милость, не волнуйтесь, всё останется в тайне, - понизив голос, ответил управляющий.

- Прекрасно, - сказал барон, - Скажи мне сначала. Отлучалась ли ночью куда-либо твоя госпожа?

Управляющий задумался.

- Эммм, - протянул он, пытаясь что-то вспомнить, - Вчера часов в 12 Анна Николаевна приказали подать экипаж.

- Граф в это время был дома?

- Александр Андреевич так рано не появляются дома, ваша милость, - ответил управляющий, - Они-с возвращаются где-то часам к 3.

- Как долго отсутствовала Анна Николаевна вчера?

- Часа 2, - уверенно ответил управляющий.

«Этого времени вполне хватило бы, чтобы успеть посетить дом Волхвинских и вернуться назад до возвращения мужа», - подумал барон.

- Хорошо, - сказал он вслух, - Когда графиня вернулась, в каком она была настроении? Может она была чем-то недовольна или напугана?

Управляющий снова задумался.

- Она была скорее чем-то встревожена, - наконец ответил он.

Барон минуту помолчал. Да. Это вполне могла быть графиня.

- Куда она ездила ты, конечно же, не знаешь? – спросил он.

- Это нетрудно узнать у кучера, - ответил управляющий, - Он становится не в меру болтливым, когда пьян.

- Прекрасно, - сказал барон, - Постарайся узнать это. Где и как долго была графиня, с кем встречалась? Мой слуга, которого ты уже знаешь, поможет тебе в этом. После он передаст тебе такой же кошелёк.

- Покорнейше вас благодарю, - сказал Евграфий Петрович, вставая с кресла.

Барон тоже поднялся.

- И помни. Никто не должен ничего знать, - сказал ему барон, провожая его до дверей.

- Буду нем, как рыба, - ответил управляющий с той же лукавой улыбкой.

Дверь бесшумно закрылась за ним. Барон прошелся по кабинету взад-вперёд, задумчиво поглаживая подбородок. Лёгкая ухмылка появилась на его лице.

- Я не знаю что вам надо в этом доме, графиня, но вы вошли в клетку к тигру, хотя вы ещё не знаете этого, - сказал он вслух.

Сжав кулаки, он подошел к двери и позвал стоявшего в коридоре слугу. Человек в черном, по имени Ришар подошел к хозяину. Жан-Поль заговорил по-французски.

- Ришар, - сказал ему барон, - Вы отправитесь в имение Ростоцких. Но никто, слышите, никто не должен видеть вас. Отныне вы станете тенью мадам Ростоцкой. Я хочу знать о ней всё. Когда она встаёт, когда и с кем она завтракает, обедает, когда ложится спать.

Барон прошел в кабинет к столу и вытащил из ящичка такой же кошелёк с деньгами.

- Возьмите, - сказал он вошедшему вслед за ним Ришару, - Сегодня ночью и завтра днём вы будете следить за графиней. Вечером я пришлю вам замену. Ступайте.

Ришар поклонился и вышел.

Жан-Поль вернулся к окну и, отодвинув край занавески, устремил свой взгляд в сторону имения Волхвинских. В его глазах появилась нежность и в то же время, какая-то непонятная тоска, будто он боялся утратить что-то ценное, будто его душу мучила тревога. «Я смогу защитить тебя, любовь моя» - подумал он, мысленно посылая поцелуй Вере. Ему хотелось перенестись сейчас туда. К ней, чтобы её маленькая ручка оказалась снова в его руках, а белокурая головка опять легла ему на грудь. Жан-Поль закрыл глаза, вспоминая тот момент. Его душу наполнила любовь. Только с ним она была бы под защитой, а он, наконец, смог бы быть спокоен. Но законы приличия, траур и прочие условности делали это невозможным. Придётся ждать. Ждать. Это так трудно и невыносимо тоскливо. Барон опустил занавеску и медленно пошел к двери. Завтра он узнает имя загадочной тени. Он был почти уверен, что этим некто окажется графиня Ростоцкая. Но что-то не нравилось ему в этой истории. Что-то было не так. Ростоцкая? Нет. Слишком всё просто. Должно быть что-то ещё. Что-то... Но что?

Глава 7

Свидание с женщиной

Гостиница «Три дороги» никогда не была самой лучшей из местных пригородных гостиниц. Однако и одной из худших её нельзя было назвать. Здесь было чисто и уютно, но слишком уж просто. В гостинице имелось всего 10 номеров и маленький ресторан с отдельными кабинетами для особых посетителей. Это было двухэтажное здание, похожее на сказочный домик, казавшийся издали совсем миниатюрным. Посередине, над невысокой дверью красовалась вывеска «Три дороги». Гостиница действительно находилась на перекрёстке трёх дорог, от чего и получила своё название. Несмотря на простоту, посетителей здесь всегда было много и номера почти всегда были заняты. Номера снимали на одну ночь, кто для тайных встреч, кто для любовных свиданий. В ресторане, в котором царил полумрак, и на каждом столике горела свеча, трудно было кого-либо узнать. Маленькие столики были разделены перегородками с малиновыми шторами сбоку. Даже днём шторы на окнах в ресторане были приспущены.

Владелец гостиницы, как и его служащие, никогда ничего не видели и не знали, и, главное, ни во что не вмешивались, что делало гостиницу популярной среди преступного мира и прочих сомнительных личностей, а также среди тех, кто вёл тайную ночную жизнь, или просто хотел скрыть нежелательную связь.

Улицы погрузились в темноту. Луну скрывали густые облака. Из гостиницы, прикрываясь тёмно-малиновым плащом, вышла женщина, в которой нетрудно было узнать графиню Ростоцкую. Она пыталась быть незамеченной, всё время оглядывалась, натягивая на голову капюшон рукой в чёрной перчатке. Но огненно-рыжие волосы, выглядывавшие из-под капюшона, всё равно выдавали её. Посмотрев по сторонам, она завернула за угол. Вслед за ней из отеля вышла ещё одна особа, в чёрном плаще. Она была чуть выше графини ростом. Кроме чёрных волос, под плащом трудно было что-либо разглядеть. Её руки так же были в чёрных перчатках. Не оглядываясь по сторонам, она села в подъехавший экипаж, который быстро скрылся во мраке ночных улиц. Тут же от дерева напротив дороги отделилась ещё одна тень, которая, неспеша, пересекла дорогу и направилась в отель. Незнакомец в чёрном камзоле и шляпе, надвинутой на глаза, оглядел холл гостиницы внимательным взглядом, и направился к горничной, спускавшейся по лестнице. Юная особа плотного телосложения с длинной белой косой и большими светло-серыми глазами, ласково улыбнулась, увидев незнакомца. Так же оглянувшись по сторонам, девушка подошла к незнакомцу, и, взяв его за руку, быстро увлекла его за собой в подсобное помещение под лестницей, осторожно прикрыв дверь.

Через час таинственный мужчина вышел из гостиницы, поправляя воротник на ходу, и, надвинув на глаза шляпу с широкими полями, сел в подъехавшую богато украшенную карету с гербом. Дверцу в экипаж захлопнула рука с золотым перстнем, кучер взмахнул хлыстом, и экипаж скрылся во мраке ночи, оставив за собой клубы дорожной пыли.

- Вы были абсолютно правы, ваша светлость, - сказал незнакомец хозяину экипажа, - Графиня была в этой гостинице. Но это ещё не самое странное.

- С кем она встречалась? – спросил молодой человек, в котором легко можно было узнать барона Ренеля, - Она вышла из гостиницы одна?

- Графиня встречалась с женщиной, - сказал незнакомец, - Незнакомка появилась в гостинице за 15 минут до графини. Её лица Настя не смогла разглядеть, на ней был плащ с капюшоном. Горничная разглядела только чёрные волосы. Она ни с кем не говорила, кроме управляющего, сняла номер на час и попросила её не беспокоить. Через 15 минут появилась графиня. Никому, ничего не говоря, ничего не спрашивая, она сразу поднялась наверх в номер. Настя пыталась подслушать их разговор, но дамы говорили очень тихо, и она не смогла разобрать слов. У женщины, с которой встречалась графиня, неприятный, низкий, немного хриплый голос. Насте даже показалось, что это может быть мужчина в женском платье.

Барон задумался. Низкий голос. Когда-то он знал одну особу с таким голосом. Но этого не могло быть. Как она могла оказаться здесь спустя 10 лет? Нет. Скорее всего, горничная права. Это вполне мог быть мужчина.

- Что ты думаешь об этом? – спросил барон своего слугу, - Ты видел эту особу со странным голосом?

Слуга утвердительно кивнул головой.

- Я видел её издалека, но это точно была женщина, - уверенно ответил он.

- Ты уверен в этом? – переспросил барон.

- Уверен, ваша светлость, - ответил слуга.

- Долго они беседовали? – спросил барон.

- Примерно час. Потом они по очереди покинули гостиницу, - ответил слуга.

- Хорошшооо, - задумчиво протянул барон, - Женщина.

Устроив слежку за графиней, он ожидал найти разгадку всем странностям, но взамен он получил новую загадку. Это пугало Жан-Поля. И этот хриплый голос.

Экипаж подъехал к дому барона Ренеля и мужчины вышли наружу.

- Продолжайте следить за графиней, - сказал он слуге, поднимаясь по лестнице, - И узнайте кто эта загадочная особа.

Слуга поклонился и ушел. Барон не спеша вошел в дом. Злоба и ненависть переполняли его. Только одна женщина могла решиться на такое. Что если он прав? Женщина с низким голосом. Если так, то Вере грозит серьезная опасность. Отдав лакею плащ и шляпу, он поднялся в спальню. Что затеяла графиня? Может это никак не связано с тайнами графа Волхвинского? Это могут быть её личные дела, связанные с долгами мужа. Чтобы вытащить своего супруга из неприятных ситуаций, в которые он не раз попадал из-за своей пагубной страсти к картам, Росточкой приходилось поступаться своей честью, дабы сохранить добрую репутацию семьи. Правда ей так и не удалось ничего скрыть, но ей всегда удавалось отсрочить выплату долга или уменьшить сумму. То, что являлось предположением для общества, было очевидным для барона. Он давно следил за этой женщиной и знал абсолютно всё о её делах. Неведение было непривычным для Жан-Поля. Он должен узнать, что всё это значит, с чем это связано? Во что бы это ни стало. Какой бы не оказалась эта правда. Ему нестерпимо сильно захотелось увидеть Веру. Завтра он навестит её, чтобы увидеть чудные серые глаза и на миг почувствовать спокойствие, которое он испытывал рядом с ней.

Из дневника Жюльена Мирея

С первого дня нашего знакомства я понял, что путь к сердцу Люциии лежит через её брата Антонио. Она-то как раз была не против, но братец так ревностно берег честь сестры, что не подпускал к ней ни одного воздыхателя. Мне показалось это весьма глупым, учитывая, что кандидатов итак было немного. Мало кто хотел провести ночь с такой особой, а уж тем более связать свою жизнь. Я знал немало женицин, которые при довольно неза-видных внешних данных умудрялись собирать возле себя толпы поклонников. Люциия, увы, к таковым не относилась. Она была наивна и глупа. Её чрезмерная эмоциональность и несдержанность вообще не делали ей чести. К её достоинствам я, пожалуй, мог бы отнести её доброту, умение выслушать, что очень важно для женицины. Она была не болтлива в отличие от её брата. Антонио, как и его сестрица, был страстным и весьма доверчивым малым. Моё красноречие помогло мне быстро завоевать его сердце, и спустя месяц нашего знакомства он готов был назвать меня чуть ли не братом, ни минуты не задумываясь о том, что вовсе не знает ничего обо мне. Дела у графа шли не очень блестяще и потому на предложенную мною, весьма сомнительную, сделку он согласился сразу. Рано осиротевший Антонио не был готов к свалившемуся ему на голову большому наследству. Дела он вёл не очень умело. Не раз он предлагал сестре продать оставленные отцом драгоценности, но Люциия выказала невероятное упрямство. Как любая женицина, она любила дорогие украшения и бриллианты. Если бы она согласилась, Антонио Чемецци стал бы самым богатым человеком в Италии. Но Люциия не готова была расстаться с любимыми и дорогими её сердцу вещами. Большие чем украшения, она, пожалуй, любила только меня. Мне льстила такая привязанность, но я не любил её. Наверное потому мне так легко было изображать влюблённого и тайком от брата ночью посещать её спальню. Однако чтобы окончательно усыпить бдительность братца мне пришлось просить руки Люциии. Разумеется я не собирался жениться на ней, но учитывая характер графа, я вынужден был пойти на такую жертву. Много раз потом я жалел об этом, и не раз мне хотелось вернуть назад время.

Люциия была страстной любовницей. Отсутствие красоты она вполне компенсировала умением в постели. Я был несколько удивлён учитывая то, что до меня у неё не было мужчин. Поначалу мне это нравилось, но вскоре начало немного тяготить. Я ждал момента, когда получу долгожданные драгоценности, которые так любила Люциия, и с которыми так спешил расстаться её брат вопреки её воле. О том, чтоб будет с ней, когда я исчезну, я не думал. Меня

переполнял азарт и желание поскорее закончить всё. Я готовил свой побег заранее. Зная, что итальянец не простит меня, я был крайне осторожен. Так мне казалось тогда. Однако второй месяц подходил к концу, а мой будущий «родственник» не спешил расставаться с богатством. Пришлось поторопить его, сообщив, что сделка может сорваться, если он не примет решение быстро. Это подействовало. Ничего не сказав сестре, он взял драгоценности и отдал их мне. Нужно ли говорить, что я исчез в ту же ночь. Получив желаемое, я быстро превратил их в деньги и покинул Венецию. Будучи уверенным, что граф опомнится не скоро, я не спешил покидать Италию, но неожиданная новость, которую я узнал случайно, подслушав женский разговор на одном из приёмов, куда мне удалось попасть, повергла меня в шок. Люция покончила с собой. Признаться, до сего дня со смертью моих жертв я не сталкивался. Но был уверен, что весть о чьей-то гибели не вызовет во мне никаких эмоций. Смерть Люции дала мне понять, как я ошибался. Я никогда не любил её, но почему то эта новость так поразила меня. Справившись кое-как с эмоциями, я заставил себя на время выкинуть это из головы. Граф Чемерици теперь жаждал мести. Небогатый, но влиятельный молодой человек разыскивал меня по всей Италии, а значит, мне надо бежать.

Глава 8

Незнакомец в саду

Тёплое солнечное утро заглянуло в дом Волхвинских. Вера сегодня была в прекрасном настроении. За это её немного мучила совесть. Траур не позволял ей радоваться. Она должна скорбеть по умершему отцу. Конечно, не обязательно было плакать целый день у его портрета, но радость в душе казалась ей неуместной. Она старалась быть серьёзной в присутствии слуг и мадам Жанон, но блеск в глазах предательски выдавал её. Ей даже показалось, что француженка как-то странно смотрела на неё в столовой во время завтрака. Может наблюдательная мадам Жанон заметила притворство своей воспитанницы? Стараясь не смотреть никому в глаза, и ничего не говоря, Вера закончила завтрак и, взяв в библиотеке первую попавшуюся книгу, ушла в сад. Летний сад Волхвинских был похож скорее на цветник. Казалось, здесь были собраны цветы со всего мира. Ярким разноцветным ковром они стелились между узеньких дорожек сада, гармонично переливаясь всеми цветами радуги и создавая прекрасный ансамбль. Ровные, идеально сделанные клумбы радовали глаз хозяйки. Вера любила цветы. Она часто помогала садовнику, сама выбирала и сажала их. И теперь, пройдя в маленькую беседку, обвитую колючими розами, она села и открыла книжку. Читать ей не хотелось, но ещё меньше ей хотелось проводить время в обществе с мадам Жанон. Её взгляд скользил по строкам одного из новых романов молодого писателя, но мысли Веры были далеко. Голубые ласковые глаза смотрели на неё со страниц книги. Она чувствовала тёплые мягкие руки, гладившие её волосы, и снова слышала биение сердца. Ей стало жаль, что она не может поделиться с отцом своими чувствами. Излить душу. Отец всегда понимал её. Он умел выслушать, объяснить, подсказать. Глаза Веры стали наполняться слезами. Радость любви смешалась в её душе с тоской по отцу.

Лепестки розы мягко коснулись Вериной щеки. Она обернулась и увидела барона. Улыбаясь он галантно протянул ей цветок.

- Ваш цветник прекрасен, как и вы, - сказал он

Вера взяла цветок. Барон аккуратно пробрался через клумбы к входу в беседку, поздоровался с Верой.

- Вы так были заняты чтением, что я не решился сразу прервать вас, - ответил он. - Простите, если я напугал вас.

- Отнюдь, - сказала Вера, закрывая книгу, - Я слышала ваше дыхание за спиной.

- Мне нравятся смелые женщины., - барон подошел к Вере и взял в руки книжку.

- «Пагубная страсть» - прочитал он название книги, даже не обратив внимания на имя автора, - Вы это читаете?

- Скорее пытаюсь читать, - призналась Вера, - Это одна из любимых книжек мадам Жанон. Она вчера оставила её в библиотеке.

- У неё странный вкус, - с иронией сказал Жан-Поль.

- Она находит в этих книгах то, чего не нашла в жизни, - ответила Вера, - Я вполне понимаю её. Не думайте, что мне нравится эта чушь. Просто это спасает меня от её нудных нравоучений. Классика не лезет в голову. Поэтому я взяла первую попавшуюся книгу.

Барон присел возле Веры и взял её руку. Она не стала противиться этому, опустив длинные ресницы.

- Но ведь нельзя же целый день читать, - сказал барон.

- А что ещё можно делать в этом доме? – спросила Вера, посмотрев на него грустными глазами, - Мне, собственно, и не хочется ничего делать. Я не могу никого видеть.... Кроме вас, конечно. Вы всегда были и будете желанным гостем в этом доме. Хочется просто посидеть здесь, или прогуляться к реке. Шум воды немного успокаивает.

Барон нежно сжал Верину руку своими руками.

- Я понимаю вас, - сказал он, ласково глядя на неё, - Это просто тоска. Я чувствовал себя так же, когда умерла матушка. Ваш отец был прекрасным человеком, и вы врятле сможете забыть его, но тоска пройдёт. Жизнь продолжается.

- Я не могу понять что со мной, - сказала Вера, доверчиво глядя на барона, - Мне и радостно и грустно. И совестно за эту радость.

Барон улыбнулся. Радость в душе Веры в такой момент могло вызывать только одно чувство. «Наконец она ответила мне» - подумал он.

- Не нужно стыдиться своих чувств, - сказал он вслух, - Вы живы. Значит, вы можете не только грустить, но и радоваться. Ваш отец очень любил вас и, думаю, он был бы рад рад, что его дочь не всегда обливается слезами. Это отнюдь не значит, что вы перестали любить его.

- Спасибо вам, - сказала Вера, - Если бы не вы – я б, наверное, умерла от тоски. В этом доме совершенно не с кем поговорить. Мадам Жанон слишком строга. Она не поймёт меня так, как вы.

- Вы всегда можете рассчитывать на меня, - ответил Жан-Поль, - Вы кусочек света в моей скучной жизни.

Барон наклонился и прикоснулся лбом к Вериной руке. Её другая рука мягко легла ему на волосы.

- Мне так хорошо с вами, - тихо сказал он, - Никогда ещё мне не было так хорошо.

- Бог послал мне вас, - добавил он, подняв голову.

Глаза Веры утонули в небесно-голубой глубине больших ласковых глаз Жан-Поля. Они оба замерли на миг, будто загипнотизированные чувством, которое становилось сильнее с каждым днём. Барон был готов прильнуть к маленьким пухлым губам, доселе не знавшим ещё поцелуев, но шорох где-то неподалёку, заставил их вздрогнуть, прервав приятный момент.

- Что это? – спросила Вера, оглядываясь.

В саду никого не было. Всё вокруг по-прежнему было окутано тишиной. Яркие лучи солнца согревали цветы на клумбах.

- Может, это садовник? – спросил барон.

- Может быть, - сказала Вера, стыдливо глядя на барона из-под длинных ресниц. Он готов был поцеловать её, и ей понравилось это, но теперь ей стало неловко перед Жан-Полем. Не сочтёт ли он её доступной женщиной?

- Я хочу прогуляться к реке, - сказала Вера, вставая, - Может, вы составите мне компанию?

- Охотно, - барон поднялся.

Они пошли по усыпанным гравием дорожкам вдоль ярких клумб.

- Боже мой, - сказал барон восторженно, - Глядя на всё это, мне кажется, что я попал в рай. Кто создал эту красоту?

- Жерден, - сказала Вера, - Отец привёз его из Франции. Он был одним из лучших цветоводов короля, пока не поссорился с кем-то. Не знаю, что там произошло. Он так и не рассказал ничего отцу, просто попросил взять его с собой. И вот. Мой сад теперь украшен по-королевски.

- Охотно верю, - сказал барон, - И самый красивый цветок в нём – вы.

Вера улыбнулась.

- Вы льстец, - сказала она.

- О нет. Это как раз то, чего я никогда не умел. Отец не раз упрекал меня в этом. Я просто говорю то, что подсказывает мне сердце.

- Надеюсь, что ваше сердце так же искренне, - ответила Вера.

- Да. И сейчас оно принадлежит вам, - сказал барон, - Надеюсь и в вашем найдётся место для меня.

- Неожиданное признание, - Вера смутилась, - Думаю, у вас есть надежда. Правда, обстоятельства, увы, сильнее наших чувств.

Они остановились на миг. Вера аккуратно коснулась его груди, он прижал к себе её руку. Ей снова стало неловко, но так не хотелось сейчас соблюдать приличия. Ей нравилось его прикосновение. И потом, нет ничего плохого, если она просто постоит с ним, вот так, в своём саду.

- Что вы делаете со мной? – спросил он, - Я сойду сума.

Вера отвела взгляд, но не убрала руку. Взгляд скользнул по деревьям, растущим за кустами вдоль дорожки, и заметил странную фигуру в чёрном, которая поспешно скрылась за деревом. Вера вздрогнула.

- Смотрите, там, - сказала она.

Барон легонько сжал её руку.

- Делайте вид, что ничего не заметили. Кто бы это ни был – пусть думает, что мы не видим его.

- Там кажется заяц, - сказала Вера, взяв себя в руки.

Барон обернулся.

- Вам показалось, - ответил он, будто пытаясь разглядеть зайца за кустами.

- Нет. Он точно там был, - сказала Вера.

- Может, - ответил барон, - Вы спугнули его.

- Наверное, - согласилась Вера, стараясь не смотреть в сторону дерева, за которым прятался незнакомец, - Пойдёмте в дом. Там прохладнее. Мне хочется чаю. А вам?

- Охотно выпью с вами чаю, - ответил барон.

Они пошли обратно к дому. Вера старалась сдерживать страх, но её руки похолодели, пальцы дрожали.

- Не бойтесь, - сказал барон, - Если бы этот человек хотел что-то сделать вам, или мне, он бы давно уже сделал это. Возможно, он просто следит за нами. Если мы будем делать вид, что не заметили его – он рано или поздно выдаст себя, и тогда мы узнаем кто это.

- К сожалению, у меня нет вашей уверенности, - сказала Вера, - Эти призраки в доме до смерти пугают меня. Отец. Почему ты ничего не сказал мне?

Последние слова были обращены к небу, будто граф слышал их.

- Ваш отец считал, что неведение спасает от опасности. Он не подумал о том, что ваши и его враги, кем бы они ни были, думают, что вы знаете его тайну, - сказал барон.

- Вы пугаете меня ещё больше, - ответила Вера.

- Простите. Если так – я могу успокоить вас. Этот человек не жаждет вашей смерти, хотя возможно, ненавидит вас. Во всяком случае, шпион из него врятле получится, если вы заметили его. Опытный человек не обнаружил бы себя так легко.

- Это слабое успокоение, Жан-Поль. Лучше открытый враг, чем тайный ненавистник. Я чувствую себя дичью, которую взяли на мушку.

- Да. Вы правы, - согласился барон, - Врагов лучше знать в лицо. Но охотник не всегда попадает в цель. Улыбайтесь. Он всё ещё идёт за нами. Думаю, из этого охотника вскоре получится неплохая дичь, а охотником стану я.

- Пусть Бог услышит вас, - ответила Вера.

Барон перекрестился, посмотрев на небо.

- Бог всегда слышит. Он даст мне силы защитить вас.

Он снова взял её за руку, и ей стало не так страшно. Этот человек, словно высокая стена, готов был закрыть её от всех опасностей. С ним Вера чувствовала себя защищённой.

Барон краем глаза следил за происходящим вокруг. Его слух ловил каждый шорох или шелест в саду. Незнакомец шел за ними, стараясь держаться на расстоянии, уверенный в том, что его не видят. Барон не видел, но слышал и чувствовал его присутствие, как зверь чувствует приближение опасности. Он старался незаметно закрыть собой Веру, чтобы принять удар на себя, если незнакомец решится напасть, или выстрелить.

Они вошли в дом, и Вера тяжело вздохнула, прижав руки к груди, как только входная дверь закрылась. Барон проводил её в гостиную и велел слугам подать чай. Усадив Веру в кресло, он подошел к окну и аккуратно отодвинул занавеску. В саду никого не было видно, но таинственный шпион, наверняка, был ещё там. Жан-Поль позвал Жерара.

- Я хочу, чтобы вы незаметно осмотрели сад, - сказал он Жерару, - Сегодня мне показались, что за нами следили.

Жерар кивнул и вышел.

Слуги принесли чай. Горячая жидкость приятно согрела грудь и тело Веры, и ей стало легче.

- Если этот человек не собирается никого убивать, то зачем он следит за мной? – Вера нервно заламывала руки, - Неужели он думает, что я ношу с собой эти сокровища, или прогуливаюсь там, где отец спрятал их.

- Скорее всего, этот некто хочет проникнуть в дом, а мы с вами и Жерар, мешаем ему, - предположил барон.

- Возможно, но тогда не проще ли сделать это ночью? - спросила Вера.

- Вы правы, - согласился барон.

Он догадывался, кто может быть этот человек. Две фигуры ясно выделялись ему в этой роли. Но как сказать об этом Вере? И надо ли? Одна из подозреваемых особ не представляла особой опасности, но другая, если это она, вызывала у Жан-Поля серьёзные опасения. Жуткое прошлое снова напомнило о себе. В любом случае о графине Ростоцкой Вере следовало сказать. Врагов и вправду лучше знать в лицо.

- Этим некто может быть ваша милая «тётушка Анна» - барон посмотрел на Веру, - Не сердитесь на меня, но мне она не кажется такой доброй, как вам.

- Да. Наверное, вы правы. Она очень странно себя ведёт в последнее время. Если это ревность – то это смешно и глупо. Ведь у неё есть муж, - неожиданно согласилась Вера, - Она всегда шла ради него на такие жертвы. Вряд ли это можно сделать ради нелюбимого человека.

Барон усмехнулся. Как много ещё не знает в жизни этот наивный ребёнок.

- Да. Эта женщина ревнива, как тысяча Отелло, но, мне безразлична её ревность, как и она сама.

- Мой кузен, который вчера был у меня, - сказала Вера, - Говорил, что видел на прошлой неделе, как графиня выходила из гостиницы поздно вечером, а за ней некая дама в чёрном плаще. Ему показалось, что они знакомы. Он подумал, что это странно, но не обратил внимания. Несколько дней спустя он видел, как Анна Николаевна и незнакомка снова заходили в ту

же гостиницу. Дмитрий большой любитель приключений. И потом, он ещё молод. Я не придавала его рассказу значения. Но теперь я думаю, может он не ошибся, и это правда была графиня.

Вера вопросительно посмотрела на барона. Жан-Поль удивлённо поднял брови.

- Чем занимается ваш кузен?

- Ему только 15 лет. Дядя хочет отдать его в военную академию. Страсть Дмитрия к приключениям не раз доставляла проблемы дядюшке, и он не видит другого способа унять пыл сына. Впрочем, Дмитрию нравится эта идея. Он наблюдателен и я думаю, что он не мог ошибиться.

- Если ваш кузен прав – тогда всё это начинает обретать смысл. Неясна только роль этой женщины. Где Дмитрий видел их ночью?

- В гостинице. Кажется «Три дороги». Да. Именно так, - кивнула Вера.

- Той особой в саду могла быть не графиня, - сделал вывод барон, - Неопытность незнакомца в саду указывает на неорганизованность предприятия. Значит, они никого не нанимали. Возможно, графиня не знает, что за вашим домом следят. Тогда её просто используют как марионетку, ни во что не посвящая. Ростоцкая не слишком умна. Её можно обмануть. Мы имеем дело с опасными врагами.

- Может, стоит проверить это? – спросила Вера.

- Да. Пожалуй, - согласился барон.

- Я попробую узнать что-либо, - кивнула Вера, - Хотя я не умею плести интриги.

Барон отрицательно покачал головой.

- Не стоит. Вопросы родят подозрения. Есть другой способ.

- Какой?

- Стены в каждом доме имеют глаза и уши, - загадочно ответил барон, - Эти стены бывают даже очень наблюдательны и могут многое рассказать.

- Вы правы, - снова согласилась Вера. Барон не ожидал, что она поймёт его, но её не по годам острый ум уловил смысл его слов, - Я не подумала об этом. Что ж. Если так – спросите у стен в доме графини. Мне хотелось бы знать чего хочет от меня моя «милая тётушка».

Последние слова были сказаны с иронией и злобой. Верин ум восхитил барона. Ей было страшно, но она готова была бороться и защищаться, несмотря на страх. Слабость и сила, смешанные в этой маленькой девочке, вызывали восторг. Она была слаба и нуждалась в его защите, но и какая-то сила духа была в ней. Ей не хотелось сдаваться. Возможно, страсть к приключениям – это семейная черта?

Едва слышный стук в открытую дверь прервал их беседу. На пороге стоял Жерар. Он глубоко дышал. Что-то чёрное было в его руке.

Глава 9

Сражение

Получив указание хозяина, Жерар спустился по чёрному ходу в сад. Солнце по-прежнему заливало своими лучами яркие клумбы. Аккуратно, по кошачьи, он пошел вдоль стены, внимательно оглядывая всё вокруг, и заглянул за угол. Кругом было тихо. Казалось, что незнакомец уже покинул сад, но что-то подсказывало Жерару, что этот человек ещё здесь. Шестое чувство всегда приходило на помощь Жерару в таких случаях. Он чувствовал опасность, присутствие чужого. Многолетняя шпионская деятельность на службе короля помогла ему вырабатывать эти навыки. Ещё в детстве Жерар мечтал стать шпионом. И всю жизнь стремился к этому. Настойчивость и упрямство помогли ему осуществить свою мечту, но служба принесла ему только разочарование. Будучи по натуре человеком благородным и верным своему слову, он не смог терпеть подлость и обман. Потому, верно прослужив короне 15 лет, он всё-таки оставил службу и вскоре был нанят Жаком-Луи Ренелем для личной охраны сына. Молодой

барон стал не только хозяином, но и другом Жерару, поэтому он готов был отдать жизнь за Жан-Поля. Жан-Поль не нуждался в охране и сказал об этом отцу, но Жак-Луи настоял на своём, и с тех пор Жерар и Жан-Поль были почти неразлучны.

Среди клумб явно никого не было. Там было слишком открытое место, но с другой стороны дома было больше тени, поэтому Жерар обошел дом и притаился у беседки, в которой недавно сидели барон и Вера. Только острый слух Жерара мог услышать среди множества звуков, шелеста листьев, пения птиц, остроржные шаги непрошеного гостя, и он услышал их. Судя по всему незнакомец, боясь быть замеченным, неспеша пробирался к дому, пытаясь скрыться за кустами шиповника. Жерар нырнул в кусты и, крадучись как ягуар на охоте, пошел в сторону, откуда доносился звук. Насколько невнимателен был этот некто, если он, Жерар, смог так легко обнаружить его. Он усмехнулся и, аккуратно отодвинув ветки кустарника, увидел человека в чёрном плаще. На незнакомце был чёрного цвета мужской костюм. Капюшон полностью закрывал его лицо, но походка, тонкие пальцы в чёрных перчатках и тонкая талия, выдавали женщину. Пригнувшись, незнакомка на цыпочках кралась вдоль кустов в сторону дома, оставиваясь, время от времени, чтобы проверить, что никто не следит за ней. Впрочем, даже если бы она была опытным шпионом, врятле она смогла бы заметить Жерара. Подойдя к незнакомке как можно ближе, Жерар подобрал камешек с земли, и кинул его в сторону парковой дорожки. Незнакомка замерла и обернулась туда, куда упал камень. Выйдя из укрытия, Жерар бросился на жертву. Может быть, другой человек был бы более мягким с особой женского пола, но 15 лет шпионской службы сделали сердце Жерара чёрствым. Сильные мужские руки крепко вцепились в горло женщины. Сбив её с ног, он прижал её коленом к земле. Казалось, деваться было некуда. Сдёрнув с головы капюшон, Жерар обнаружил на незнакомке атласную чёрную маску с вырезами для глаз, носа и рта. В глазах женщины, вопреки ожиданию, Жерар не увидел страха. Большие, чайного цвета глаза пронзили Жерара насквозь, словно острый клинок. Обескураженный этим взглядом, Жерар на миг ослабил свою хватку, и в тот же момент оказался отброшенным в сторону. Собрав все свои силы, незнакомка оттолкнула его, и бросилась бежать. Тут же вскочив на ноги, Жерар бросился догонять жертву. Карие глаза всё ещё стояли перед ним, как препятствие на пути. Он знал эти глаза. Знал так же хорошо, как барон Ренель. И так же сильно ненавидел их.

Таинственная дама пыталась убежать, но опытный шпион был выше ростом, крепче, и бежал быстрее. Непривычная к бегу, незнакомка быстро стала уставать, и поэтому через пару метров Жерар настиг её. Он уже почти дышал ей в спину. Она ускорила бег, но споткнулась о камень, и упала на покрытую гравием дорожку у самого края, зацепив рукой цветы. Жерар попытался схватить жертву. Вот он вцепился в её руку и рывком поставил на ноги, пытаясь сорвать с неё маску. Она вырывалась, размахивая руками, и пытаясь ударить его ногой, но Жерар был готов к этим приёмам и уклонялся от них, не выпуская её руку. Она с силой рванулась. Рукав камзола и шелковый чёрный шарф остались в руках Жерара, обнажив белую прозрачную сорочку. Захватив рукой пригоршню земли с клумбы, она кинула её в глаза Жерару, и, воспользовавшись моментом, снова скрылась в кустах шиповника. Вытерев платком попавшую в глаза землю, Жерар оглянулся. Незнакомки не было. В его руках по-прежнему был рукав от чёрного камзола и шелковый шарф. Посередине дорожки, у его ног, лежал женский кружевной платок. Наклонившись, Жерар поднял его. От платка исходил приятный сладковатый запах дорогих духов. Он помнил этот запах. Очень хорошо помнил. Только она пользовалась этими духами. Две маленьких, вышитых красными нитками буквы, подтвердили догадку Жерара. «ЭБ» - повторил он вслух. Взяв себя в руки, он сунул платок в карман и отправился обратно в дом.

Глава 10

Тайны барона

Прежде чем войти в дом, Жерар позвал лакеев, и велел им тщательно осмотреть сад на случай, если ЭБ решит остаться и, дождавшись ночи, повторить свою попытку проникнуть в дом. Что нужно здесь этой даме? Судя по всему, ей не хотелось встречаться с бароном и Верой, поэтому она не стала идти за ними до самого дома. Она следила за ними, но не это было целью её визита. А что? Знает ли она про сокровища? Может их она собиралась искать в доме? Надо было рассказать всё хозяину, но так, чтобы юная мадмуазель ничего не знала. Жерару нравилась Вера. Она была добра и умна не по годам. Он относился к ней с отеческой любовью, как и к хозяину, и ему не хотелось разрушить ещё очень хрупкий союз двух дорогих ему людей.

- Что случилось, Жерар? - спросил барон, увидев своего телохранителя в дверях.

- Простите милорд, - Жерар обернулся к Вере, - Я прошу простить меня, мадмуазель, я хотел бы поговорить с хозяином наедине.

- Пожалуйста, Жерар, - ответила Вера, и мужчины вышли в коридор.

Неудобно было подслушивать разговор, но Вере так хотелось знать, о чём они говорят, поэтому она на цыпочках подкралась к двери и, притаившись в уголке, заглянула в щель. Мужчины говорили тихо, но острый слух Веры уловил каждое слово.

Жерар коротко рассказал барону всё, что происходило в саду. Выслушав слугу, барон сжал кулаки. Его глаза потемнели от злости. Он осмотрел рукав камзола, потом поднёс к носу шарф и вдохнул запах знакомых духов. Мужчины заговорили на французском.

- Чёрт возьми. Нет. Этого не может быть, - сказал он, закрыв глаза правой рукой. Левая безжизненно повисла вдоль тела, шарф упал на пол.

- Тогда взгляните на это, - сказал Жерар, протянув барону платок.

Взглянув на вышитые на платке буквы, барон застыл на месте, потом взглянул на Жерара.

- Ты уверен, что это она? - спросил он.

- Я не видел её лица, но эти глаза, запах духов, платок... Всё указывает на то... - ровным спокойным тоном ответил Жерар.

Барон опустил руки и закрыл глаза.

- Этого не может быть, - почти шепотом сказал он, будто разговаривая сам с собой, - Не могу в это поверить.

Жерар молча ожидал указаний хозяина. Жан-Поль, ошеломлённый неожиданной новостью, не сразу пришел в себя. Вся ненависть, которую он испытывал к этой женщине, вновь наполнила его душу. Даже неприязнь к графине Росточкой не сравнилась бы с этим чувством. Верино сердце сжалось. Да. Этот человек и правда таит в себе много загадок. Она глубоко вздохнула, подавляя нарастающее беспокойство.

Барон сжал кулаки, сказав по-французски какое-то бранное слово в адрес незнакомки. Потом так же глубоко вздохнул, пытаясь овладеть собой.

- Я велел слугам обыскать сад. Может она ещё здесь, - сказал Жерар.

Барон отрицательно помотал головой.

- Она не так глупа, чтобы остаться после того, как вы чуть не поймали её.

Барон с отвращением взглянул на платок и брезгливо протянул его Жерару.

- Найдите эту незнакомку, - сказал он уже спокойным тоном, - Я думаю, что именно с ней графиня встречалась вчера ночью. Кто бы она ни была - не предпринимайте никаких действий. Только следите.

- Я понял вас, ваша милость, - сказал Жерар, наклонив голову, - Что вы будете делать, если это она?

- Сообщу об этом инквизиции, - спокойно ответил барон, - Эта женщина приговорена к смертной казни. Она вполне её заслуживает. И. Пришлите кого-нибудь себе на замену. Я не хочу оставлять мадмуазель одну в этом доме.

Жерар поклонился и вышел, забрав с собой рукав от камзола и шарф. Барон поправил воротник рубашки, постоял минуту, и направился обратно в гостиную. Вера поспешила сесть на место. Она не умела притворяться, но теперь ей придётся научиться этому. Она старалась казаться спокойной, и это ей почти удалось.

- Прошу простить меня, мадмуазель, - сказал барон, войдя в комнату, - Я должен был дать указания Жерару.

Барон присел рядом с Верой.

- Что там случилось? Ваш слуга кого-нибудь нашёл? – спросила Вера.

- Да. Но этот человек успел скрыться, - ответил барон, - Оказалось, что это была женщина. Вера постаралась изобразить удивление на лице.

- Графиня Ростокская? – спросила она.

- Нет. Это была не графиня, – ответил барон, стараясь сохранять спокойствие.

Вера доверчиво смотрела на него, ожидая ответа.

- Вы думаете, у графини появились сообщники? – спросила Вера.

Барон кивнул.

- Может быть, - ответил он, - Либо ещё кто-то, кроме графини, решил найти клад вашего отца.

Вера встала и прошлась по комнате.

- Боже мой, - её голос дрогнул, выдавая волнение, - Знать бы что мы должны искать. Неужели кто-то верит в эту чушь. Клад. Это всё сказки для маленьких детей. Я говорила отцу. Надо сказать людям, что это всё неправда. Но он твердил мне, что это забавно и развлекает его, ведь никто до сих пор не лез в дом искать клад. Ему просто доставляло удовольствие видеть, как глупцы верят в эти сказки. С какими серьёзными лицами они обсуждают сплетни про сокровища.

Барон встал и взял веру за руку.

- Прошу вас, не волнуйтесь так, - ласково сказал он ей, - Я обещаю вам, что найду этого человека, кто бы он ни был. И заставлю его оставить вас в покое.

Вера молчала. В её душе страх и ревность перемешались с любовью. Кто та женщина, которую так сильно ненавидит барон? И что она искала в её доме? А может это любовь, скрытая за ненавистью? Нежное прикосновение рук барона к её щекам вывело её из задумчивости. Она должна остановить его, но ей не хватит сил сделать это. Как бы там ни было, ведь её соперницу ждёт инквизиция, значит ей нечего бояться. И потом, если бы он любил её, врятле он хотел бы отдать её в руки палачей. Вера посмотрела в глаза барону и снова утонула в их небесной голубизне. В его глазах была только нежность.

- Я хочу, чтобы вы знали. Пока я жив – никто не причинит вам зла, - сказал он. Его мягкий голос вызвал у Веры приятную дрожь. Он аккуратно убрал локоны с её висков. Её дыхание участилось. Она едва сдерживалась, чтобы не упасть в его объятия.

- У меня никого нет в этом мире. Увы, я всегда был одинок, - продолжал он, - Теперь вы всё, что у меня осталось.

- Вы говорите правду? – спросила Вера.

- Мне в жизни приходилось лгать, - честно ответил барон, - Но я никогда не лгал тем, кто мне дорог. Горькая правда лучше сладкой лжи. Вы не верите мне. Я знаю. Но.... Сейчас я говорю правду.

Барон опустил голову. Вера протянула руки и коснулась его щеки.

- Может быть это глупо, верить человеку, которого мало знаешь, - ответила она, с любовью глядя в его глаза, - Но я верю вам. Ваша жизнь окутана тайнами, и это немного пугает меня, но мне всегда казалось, что вы благородный человек, достойный доверия. Во всяком случае, у меня не было повода думать иначе.

Барон прижал её руку к своей щеке и, закрыв глаза, поцеловал её мягкую ладонь.

- Я обещаю, что раскрою вам свои тайны. Уверяю вас, в моей жизни нет ничего, что могло бы запятнать мою честь. Я расскажу вам всё, когда придёт время. Сейчас я прошу вас просто довериться мне и делать то, что я вам скажу. Так надо для вашей безопасности.

- Хорошо, - ответила Вера, - Я... Верю вам. Просто мне больше некому верить, кроме вас. Это ваши тайны и...

Барон прервал её, коснувшись рукой её губ.

- У меня больше никого не осталось, кроме вас. Я...

Жан-Поль опустил голову. Трудно было сказать эти слова, но она должна знать, хотя может это слишком быстро.

- Я люблю вас, - сказал барон, не поднимая головы, и поспешно вышел из комнаты.

Вера бросилась за ним. Догнав его у двери, она быстро поцеловала его в щёку и скрылась, даже не дав Жан-Полю опомниться. Минуты две он не мог прийти в себя. Было ли это ответное признание, или просто минутный порыв? Он не рискнёт спросить сейчас, но придёт время. Сейчас он должен найти «ЭБ», и выяснить, откуда взялась странная шкатулка и каким ядом она пропитана. Он спустился по лестнице и сел в экипаж, велел кучеру ехать в город. Всё стихло в доме и в саду Волхвинских. Только одна странная тень, которую так и не заметил Жерар, отделилась от дерева. Человек тоже был одет во всё чёрное, его рука сжимала рукоять восточного, искривлённого полумесяцем клинка. Лицо мужчины было смуглым, но не чёрным. Он посмотрел по сторонам, прислушиваясь к тишине, и поспешно скрылся в кустах.

Глава 11 *Шантаж*

Густой туман накрыл улицы ночного города и маленькую гостиницу на окраине Петербурга. В «Трёх дорогах» по-прежнему царил тишина. Посетителей сегодня было немного. Это обстоятельство устраивало двух уже известных нам особ. Графиню Ростокскую преследовал страх. Она давно не испытывала его, потому что уже не дорожила своей репутацией. Она привыкла ходить по краю пропасти, улаживая дела мужа, но теперь ей было страшно. Что-то пугающее есть в этой странной женщине. Незнакомка представилась Бертой. Хотя, скорее всего, это имя было вымышленным. Графиня знала о ней немного. Берта была язычницей, она являлась членом какой-то секты, и за это её преследовала церковь. На родине она была приговорена к смертной казни, и за её голову обещалось вознаграждение, поэтому Берте пришлось бежать в Россию. Ростокская чувствовала, что не только это привело сюда Берту. Была ещё какая-то цель. Какой-то тайный интерес. Сокровища? Нет. Не только сокровища интересовали эту женщину. Строить какие-либо догадки Анна боялась. Берта казалась ей ведьмой. Что-то пугающее было в немке. Карие глаза, пронзающий взгляд и чёрные волосы с бронзовым отливом. Она будто бы сошла со страниц страшной сказки. Ростокская всячески пыталась скрыть свой страх, но ей всё равно казалась, что ведьма-немка знает каждую её мысль. Руки графини предательски дрожали. Она нехотя шла по ступенькам, судорожно сжимая лестничные перила. Ноги казались чужими, будто ватными. Она подошла к двери с №3 и остановилась.

- Входите, - сказал низкий голос за дверью.

Анна вздрогнула, перекрестилась, и вошла вовнутрь, закрыв за собой дверь. В скромно обставленном номере царил полумрак. Берта сидела в кресле у окна в тени. Её лица графиня не видела. Не решаясь подойти ближе, Анна присела на единственный стул у стола.

- Что вы решили? - спросила Берта с заметным немецким акцентом.

Графиня потеряла замерзшие руки.

- Я согласна. Но... Обещайте, что мы обойдёмся без жертв, - ответила она, стараясь скрыть нарастающий страх.

- Мне кажется, вы не совсем правильно оценили ситуацию, - ответила Берта, - Мы с вами собираемся совершить преступление. А преступление не бывает без жертв.

- Вы предлагаете мне стать убийцей?

Берта помотала головой.

- Вам нужно только молчать, и делать то, что вам скажут. Остальное пусть вас не волнует.

- У меня так же, как и у вас, есть враги. Но я не желаю их смерти, - возразила графиня.

- Ваши враги меня не интересуют, - ответила немка раздраженно, - Мне нужно то, что находится в доме. Остальное не ваше дело. Вы ненавидите, но боитесь убить, вы жаждете мести, но не хотите мараить руки. Так не получится, майн либе. Как у вас говорят. Не сделать яичницу, не разбив яиц? У вас есть выбор. Или вы со мной – и тогда ваши неприятности скоро закончатся, и вы получите то, чего хотели, если вы откажетесь – мне нечего терять. Я превращу вашу жизнь в ад. Вашего мужа ждёт тюрьма, а вас – позор и смерть. Если вы не верите мне – можете спросить об этом предмет ваших вздыханий. Он подтвердит, что это не блеф и не игра.

Берта выдержала паузу. Графиня молчала. Она понимала, что попала в капкан, и теперь ей не выбраться из него. Эта «случайная встреча» с прошлым барона дорого ей обойдётся.

- Так что вы решили? – наконец спросила Берта.

- Хорошо, - обречённо сказала графиня, - Я согласна.

- Очень мило, - мужской голос, донесшийся откуда-то из-за портьера, заставил обеих женщин вздрогнуть.

Занавеска отодвинулась, и перед ними появилась фигура высокого худого мужчины.

- Доктор? – удивлённо воскликнула графиня.

- К вашим услугам, ваше сиятельство, - наигранно вежливо ответил Иван Дмитриевич, - Признаюсь, мне было весьма интересно слушать ваши разговоры.

- Кто вы? – спросила Берта, пристально глядя на доктора.

- Вы уже слышали, фрау, - тем же тоном ответил доктор, - Иван Дмитриевич, местный лекарь. А так же семейный врач Волхвинских и мадам Ростоккой.

- Как вы попали сюда? – спросила графиня.

- Ну. Вы сами могли бы догадаться. Сначала я проследил за вами, Анна Николаевна. Мне довелось случайно стать свидетелем вашего знакомства, дамы. В чайной «У мадам Жаннетт». Помните? Я сидел за соседним столиком, рядом с вами, и слышал ваш разговор. Узнать ваш голос, Анна Николаевна, было нетрудно. И мне стало безумно интересно, какие тайны вы храните. Я стал следить за вами, и вы сами привели меня в эту гостиницу. За определенную плату я узнал, какой номер вы посещали. Слуги впустили меня сюда до вашего прихода. Того, что я услышал вполне достаточно, чтобы понять суть вашего замысла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.